

ЧАСТЬ I. НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ЦЕНТРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ГУМАНИТАРИЕВ

Л.А. Бурганова (Казанский ГТУ)

Научное сообщество как дискурсивная реальность

Неклассическое понимание феномена научного сообщества может быть обеспечено применением структуралистской и постструктуралистской концепциями дискурса, в рамках которых дискурс интерпретируется как семиотический процесс, реализующийся в различных видах вербально-коммуникативных практик (А.-Ж. Греймас, Ж. Курте, Ж.-Ж. Коке), как рефлексивная речевая коммуникация, предполагающей самооценную процессуальность проговаривания всех значимых для участников коммуникации ее аспектов (Ю. Хабермас). Для понимания научного сообщества ценной является идея Ю. Хабермаса о том, что коммуникация выступает средством достижения взаимопонимания, оптимального решения важнейших социальных вопросов, что именно «свободные ассоциации», целью которых является открытие для общества значимых тем, выработка наилучших решений, обеспечивают развитие современного общества.

Другое видение дискурса представлено в постмодернистских трактовках, согласно которым дискурс – искусственный конструкт, формирующий отношения, нормы и модели поведения в качестве «естественных» и «объективных». Он интерпретируется как насилие, совершаемое во имя защиты и поддержания существующих институтов власти. Наиболее известным представителем этой школы является М. Фуко. Согласно Фуко, «дискурс – событие знака, но то, что он делает, есть нечто большее, нежели просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это нечто большее позволяет ему быть несводимым к языку и речи» (Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 50). Единицей дискурса, по мнению Фуко, являются высказывания, совокупность которых образует дискурсивные формации. Все области человеческого знания в понимании Фуко являются совокупностями дискурсов.

С позиции социологии знания Фуко утверждает, что «знание», добываемое наукой, является относительным и поэтому сомнительным с точки зрения «всеобщей истины», но оно навязывается сознанию человека в качестве «неоспоримого авторитета», заставляющего и побуждающего его мыслить уже заранее готовыми понятиями и представлениями. Научное сообщество в этой трактовке выступает конструктом, созданным и используемым для защиты и поддержания существующих институтов власти и доминирования. Что справедливо для характеристики научного сообщества любого авторитарного режима.

В постмодернистском подходе присутствует и менее субъективное видение, согласно которому дискурс рассматривается как связующее звено между идеями и собственно действиями (А. Орлофф, М. Штейнберг, Д. Сноу, Р. Бенфорд, Д. Лейтин). У дискурса имеются объективные источники и параметры, что обеспечивает ему аналитическую значимость, стабильность, возможность оказывать влияние на участников социальных процессов. В этом смысле научное сообщество можно трактовать как дискурсивную реальность, являющуюся источником предпочтений, механизмом оценки альтернатив, систематизации информации и инструментом, позволяющим определять устойчивые модели поведения.

Для интерпретации феномена научного сообщества не менее ценен подход П. Бурдьё, изложенный им в его теории капиталов, которые он рассматривает как ресурс, и в качестве его основных форм выделяет три большие группы, три категории капиталов – экономический, культурный (символический), социальный. В рамках последнего он выделяет научный. Сущность научного сообщества, на наш взгляд, очень четко выводится из характеристики социального капитала, который Бурдьё характеризует как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» (Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 519). При этом обратим внимание на то, что социальный капитал прямо зависит по своему объему и структуре от показателей капитала тех, кто входит в сеть связей данного индивида. «Объем социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан» (Там же. С. 529).

С методологических позиций П. Бурдьё научное сообщество («научное поле») – символическая реальность, арена борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как социальная власть, как социально признанная за определенным индивидом (группой) способность легитимно говорить и действовать от имени науки. П. Бурдьё подчеркивает необходимость разрыва с примиренческим образом «научного сообщества, с представлением о нем, как сферы, где царствуют законы “чистой и абсолютной борьбы идей, направляемой внутренней силой истинной идеи”». Справедливо его утверждение о том, что само функционирование научного сообщества *производит и предполагает специфическую форму интереса*. Эти интересы могут состоять из внутреннего удовлетворения и интереса исследователя, а также интересов других субъектов и групп. «Важным и интересным считается то, что имеет шансы быть признанным как важное и интересное другими..., важным и интересным в глазах других...» (Бурдьё П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструкту-

ралистской перспективе. М., 2005. С. 18). П. Бурдьё указывает на тесную связь научного сообщества (поля науки) с политикой, подчеркивает, что оно является местом политической борьбы за научное доминирование. Поэтому оно предписывает каждому исследователю, в зависимости от занимаемой им позиции, соответствующие научные и, одновременно, политические проблемы, а также методы их изучения – те самые научные, которые являются и политическими стратегиями.

Такой подход позволяет рассматривать научное сообщество как институт борьбы за «формирование общественного сознания на символическом уровне или, точнее, за состязание за монопольное право обозначать новые объекты или переименовывать существующие». В этой борьбе субъекты используют приобретенный в предшествующей борьбе и гарантированный законом символический капитал» (Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Социология политики. М., 1993. С. 146-147). То научное сообщество, которое имеет более мощный культурный капитал, оказывает большее влияние на конструирование реальности и направляет её конструирование в то русло, которое ему выгодно.

Эвристическая ценность концепции П. Бурдьё состоит в том, что она позволяет обосновать субъективно-объективную природу научного сообщества как части социальной реальности. В терминах П. Бурдьё, научное сообщество структурировано дважды. Во-первых, существует первичное или объективное структурирование – социальными отношениями. Эти отношения опредмечены в распределениях разнообразных ресурсов (выступающих структурами господства – капиталами) как материального, так и нематериального характера. Во-вторых, социальная действительность структурирована представлениями агентов об этих отношениях, о различных общественных структурах и о социальном мире в целом, которые оказывают обратное воздействие на первичное структурирование. Указанная диалектика отражает процесс интериоризации / экстериоризации, связывающий объективные и субъективные (инкорпорированные) структуры. Социальные отношения, интериоризируясь в процессе осуществления практик, превращаются в практические схемы – схемы производства практик. Такие инкорпорированные структуры обуславливают экстериоризацию, т.е. воспроизводство посредством практик агентов, породивших их объективные социальные структуры.

С.И. Михальченко (Брянский ГУ)

О возможности единой концепции школы в исторической науке

Исследование школ в исторической науке – достаточно устоявшаяся тема. При этом абсолютное большинство авторов при названии той или иной школы используют устойчивые научные дефиниции, существующие чаще всего не одно десятилетие. Отсюда и определенная размытость в

понимании термина «школа», как некоторого единства ученых. Для какого-то научного объединения общим будет тематика исследований или/и методологии; для иного – научно-педагогическая связь «ученики – учитель», чаще всего, впрочем, сочетающаяся с той же общностью взглядов. Поэтому представляется важным выяснить, возможен ли единый подход к содержанию понятия «школа» в исторической науке или стоит, согласившись с многозначностью термина, оставить попытки придти к общему знаменателю.

Хотя само слово «школа» по отношению к объединениям ученых употреблялось уже в историографии первой половины XIX в. («скептическая школа»), определения школы в науке стали появляться только во второй половине столетия (П.Г. Виноградов, А.С. Лаппо-Данилевский).

К началу XX в. века относятся первые попытки выделения особенностей различных школ. В 1908 г., говоря в посвященной Антоновичу статье об особенностях его школы, Довнар-Запольский предложил критерии для выделения подобных феноменов. По его мнению, это общность нескольких методических приемов и идейного содержания, но особенно важна единая цель и направленность работ (См.: Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. Киев, 1910. С. 279).

Особенности петербургской школы как источниковедческой одним из первых определил ее представитель А.Е. Пресняков (См.: Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920), а наиболее подробный анализ одной из ветвей киевской школы (продолжающий характеристику, данную Довнар-Запольским) сделал ее участник П.П. Смирнов (Смирнов П.П. В.Б. Антонович и его историческая школа // ОР РГБ. Ф. 279. Картон 14. Д. 12. Л. 3, 18-43). В отличие от Преснякова, который не ставил цели определить понятие «школа», Смирнов, хотя и не дал связанной дефиниции, тем не менее, выделил отдельные стороны этого явления – единство тематики, трудов, общие технические особенности и идейную сторону исследований.

В середине 1950-х гг. определение школы сформулировал М.Н. Тихомиров. Он считал, что школы – «это те самые группы, которые объединяются для разработки определенной проблемы, которые имеют определенные методы разработки источников» (Цит по: Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 21).

Новый этап в изучении понятия «школа» и содержания деятельности различных школ в науке начался в 1970-е годы, когда появился ряд науковедческих исследований обобщающего характера (К.А. Ланге, М.Г. Ярошевский, С.Д. Хайтун, Н.И. Родный).

В исторических сочинениях этого времени вначале были сделаны новые попытки сформулировать определения общих историографических понятий, а затем началось более активное, чем ранее, изучение конкрет-

ных историографических феноменов. Параллельно изучали, наряду с историками, особенности функционирования разных школ представители других гуманитарных наук, прежде всего, филологи (С.Б. Бернштейн, В.П. Гудков, С.В. Смирнов).

Наиболее развернутый список критериев школы в середине 1990-х годов был предложен Л. Винаром. По мнению историка, таковыми являются: организационная структура, включающая научно-учебные учреждения и научно-исследовательские институты; общность главных историографических концепций основателя школы и его учеников; общность методологии исследования и историософии; наличие научного издания, в особенности, головного органа школы; также другие характерные черты школы, связанные со специфической исторической тематикой исследований. Винар понимает сложность обнаружения в науке идеальной школы, поэтому о большинстве критериев говорит скорее как о желательных. Главный же критерий, без которого школа существовать не может, – это критерий общности историографических концепций (Винар Л. Михайло Грушевський історик і будівничий нації. Київ, 1995. С. 115).

В качестве дополнительного критерия различия между школами С.В. Чирков предложил «тип научной культуры» (Чирков С.В. Указ. соч. С. 19, 27), а И.Л. Беленький – «архетип ментальности» представителей школы (Беленький И.Л. С.О. Шмидт – источниковед и историограф // ВИД. СПб., 1994. Т. XXV. С. 294).

Г.П. Мягков по отношению к гуманитарным наукам ввел такие понятия как «классическая научная школа», «современная научная школа», «национальная научная школа» и т.п., а также предложил – с целью уйти от использования терминов «направление» и «течение» – считать историю исторической науки фактически историей функционирования в ней научных школ. В этой связи он говорит о межшкольной иерархичности, когда одна школа (лидерская – Виноградова) входит в другую (географическую или университетскую – московскую), а та, в свою очередь, в общую русскую школу историков (Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000).

Итак, даже краткий анализ показывает, что большинство авторов выделяют в качестве характерных черт школы в исторической науке (а речь, в основном, идет о школах второй половины XIX – начала XX вв.) единство методических приемов работы с источниками; близость в тематике и проблематике трудов; наличие педагогического аспекта связи «учитель – ученик». Причем, если понятие «учитель» персонифицируется, то речь будет идти о школе того или иного ученого (школа Ключевского, Платонова), а если «топонимизируется», – то о школе того или иного научного и учебного центра (Московская, Петербургская). При этом «персонифицированные» школы могут входить в «топонимизированные». Таким образом, важным достижением второго этапа изучения деятельности школ в науке (1970–2000 гг.) явилось утверждение педаго-

гического аспекта в качестве имманентно присущего компонента определения школы и выделение новых критериев.

Однако никто из авторов (за исключением, пожалуй, Винара) не поставил вопрос, насколько равнозначны те или иные критерии при определении изучаемого историографического феномена как школы. В этой связи имеет смысл предложить понятие «иерархия критериев», то есть расположить их не в произвольном порядке, а по степени значимости. И, вероятно, первым критерием существования школы будет педагогическое общение как следствие отношений основателя школы и его учеников. В самом деле, общность взглядов может существовать и между представителями разных школ. Например, по вопросу о характере Русского государства XVI–XVII вв., его бессловности представитель киевской школы М.Ф. Владимирский-Буданов сближался с С.М. Соловьевым; отрицая федеративное устройство древней Руси, он расходился с одним из духовных лидеров киевлян Н.И. Костомаровым, что не мешало ему оставаться учеником основателя киевской школы Н.Д. Иванишева и соратником явного приверженца Костомарова и оппонента Соловьева В.Б. Антоновича. Но очевидно, что одного педагогического фактора для выделения школы недостаточно – в противном случае любой университетский семинарий мог бы называться школой.

Вторым по значимости критерием выступают выделяемые многими авторами общие методы и принципы обработки источников («передача научной культуры», по Чиркову). Это может быть (особенно в середине XIX в., когда источниковедение только начинало развиваться) и вообще проявление интереса к источнику в противоположность интересу к обобщениям. Именно этот интерес к документу объединял зачастую таких концептуально разных Антоновича и Владимирского-Буданова. Интерес же к отдельному виду источников станет более характерен в начале XX в., с ростом дифференциации научного знания – школа Довнар-Запольского прославилась, например, изучением преимущественно писцовых книг.

Третьим по важности критерием может быть методологическая (теоретическая, философская) общность, а четвертым – близость в конкретно-исторических построениях и тематике исследований. Методология опережает в данном случае конкретику, поскольку теоретическим построениям в творчестве ученого, как правило, свойственен больший консерватизм, большая устойчивость. Эволюция философских взглядов совершается, как правило, гораздо медленнее, чем эволюция проблематики исследований. Хотя и здесь возможны варианты: при достаточно широкой проблематике она может присутствовать в исследованиях членов школы на протяжении длительного периода (пример – школа западно-русского права), при узкой тематике исследований она, напротив, скоро исчерпывается (школа Антоновича, когда были изучены все земли Юго-Западной Руси и темы начали повторяться), а переход к качественно ино-

му уровню изучения того же сюжета часто затруднен из-за узкой источниковой базы, неразработанности новых методов и т.д.

Таким образом, при изучении той или иной школы нужно, во-первых, исследовать зарождение школы, что невозможно без обращения к биографии основателя, при этом особого внимания требует его деятельность как педагога. Изучение научного наследия основателя и его исследовательских принципов позволит выделить методы исследования, переданные им ученикам. Во-вторых, требует анализа методологическое (философское) наследие членов школы и, в-третьих, проблематика конкретно-исторических трудов и исторические концепции, в них содержащиеся.

В.В. Боярченков (Рязанский ГПУ)

Модели социальной идентичности исследователей русских древностей и ученые общества в России середины XIX в.

Изучение историографического пространства России времен николаевского царствования и эпохи «великих реформ» традиционно сводится к нескольким знаковым фигурам, позволяющим исследователям реконструировать научную традицию, ведущую от «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина с ее классицистическими установками к зрелым позитивистским работам В.О. Ключевского. В качестве таких соединительных звеньев чаще всего выступают т.н. «государственники» – С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин. Эта конструкция, иногда «скрепляемая» ссылками на наследие историков «второго ряда» – М.П. Погодина, И.Е. Забелина, Н.И. Костомарова, А.П. Щапова, К.Н. Бестужева-Рюмина, славянофилов – действительно, дает возможность обнаружить вехи концептуального развития отечественного исторического знания в XIX веке.

Однако вопросы, связанные с превращением исторических занятий в профессию, с социальным самоопределением тех, кто посвятил себя изучению российской старины в эту пору, вызывающие все больший интерес у исследователей, очевидно, не могут быть разрешены удовлетворительным образом при обращении к столь узкому кругу лиц. Ведь уже во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв., т.е. за несколько десятилетий до того момента, когда исторические штудии достигли пика своего публичного признания, по подсчетам В.П. Козлова, исследованием отечественного прошлого занимались более 500 человек (См.: Козлов В.П. Статус истории в России в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // Всемирная история и Восток. Сб. ст. М., 1989. С. 218). Таким образом, наследие тех самых представителей научных школ и университетских кафедр, которым почти неизменно отдавалось предпочтение при реконструкции русского историографического пространства 1830–1870-х гг., едва ли выдерживает традиционное сравнение с надводной

частью айсберга. Положение не спасает и анализ деятельности Археологической комиссии и «ученых немцев» из Петербургской академии наук.

Более репрезентативен в этом отношении «Каталог личных архивных фондов отечественных историков»: в лучшем случае, каждый третий из 181 представленного там ученого добывал себе средства на жизнь историческими изысканиями. Но и этот критерий весьма условен. П.М. Строев, в профессионализме которого В.П. Козлов не видел причин сомневаться, на исходе своего поприща признавался в экономической несостоятельности ученой разработки древностей: «К сожалению, в тридцать пять лет рабочей жизни, я постиг только горькую истину: специальным, *чисто*-ученым трудом существовать не можно; многосторонние знания и великая опытность не спасут от бедности» (Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 469).

Новую страницу в истории профессионализации исторического знания в России, вероятно, открыло бы исследование трансформации самого слова «историк». Во всяком случае, ученые середины XIX в. пользовались им гораздо менее охотно, чем современники Ключевского. Достаточно заметить, с какой осторожностью на страницах своих мемуаров оперируют этим словом Н.И. Костомаров и С.М. Соловьев. Характерно и название известной историографической работы последнего – «Писатели русской истории XVIII в.». Едва ли стоит пренебрегать наблюдениями Ю.С. Сорокина, убедительно подтвержденные М.П. Мохначевой, о том, что вплоть до середины 1850-х гг. слово «ученый» означало не столько профессионального представителя научной специальности, сколько «выученного, наученного», «знающего науку» и «отличающегося ученостью» человека. Из чего следует, что в середине XIX в. «не было еще строго очерченных профессиональным статусом границ между научной, литературной, журналистской деятельностью» (Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е гг. XIX в. М.; Л., 1965. С. 282-283), как не было и отчетливого водораздела между профессиональными и любительскими занятиями историей.

Все это заставляет обратить пристальное внимание на те формы объединения усилий исследователей прошлого, где любительское и профессиональное начала были еще неразличимы и давали широкий простор для реализации самых разнообразных по своей природе ученых замыслов. Речь идет об обществах, члены которых редко дерзали называть себя историками в ситуации, когда, по словам Г.П. Федотова, «с разных концов – критик Каченовский, демократ Полевой, западники и славянофилы – разрывали классическую порфиру Государства Российского» (Федотов Г.П. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. № 3. С. 97). В отличие от Англии, где интенсивная жизнь такого рода обществ способствовала обособлению и взаимному разграничению между историками, антиквариями и археологами, в России зачастую ничто не мешало одному и тому же лицу выступать во всех этих качествах.

В этом отношении показательны препирательства В.Г. Анастасевича и Г.А. Розенкампа о том, можно ли считать собирателя древностей купца И.П. Лаптева археологом или нет (См.: Полевой К.А. Записки // Исторический вестник. 1887. Т. 28. С. 311). Коллекционирование и систематизация, описание и критика – соотношение всех этих составляющих «науки о древностях» так и не получило в отечественной историографической традиции середины XIX в. сколько-нибудь завершенной и общепринятой концептуализации. Даже внимательный А.А. Формозов, по сути, уклонился от решения этой неблагоприятной задачи – разбора всех попыток разобраться в пределах и структуре археологии, предпринимавшихся в эту пору (См.: Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 40 и сл.; Он же. История термина «археология» // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 215-217).

Поэтому вполне естественно, что любители древностей, даже объединившись в ученые общества, деятельность которых непременно должна была регламентироваться официальным уставом, не слишком тяготели к самодовлеющему положению. Не случайно М.П. Погодин, комментируя в своем дневнике утверждение С.П. Шевырева в должности секретаря Общества истории и древностей российских при Московском университете (далее – ОИДР) в 1833 г., указывает на необходимость различных связей для успешного выполнения секретарских обязанностей. Время показало, что наличие таких связей является *sine qua non* для процветания ученых обществ в историографической обстановке николаевского царствования и позднее. Председательство в ОИДР графа С.Г. Строганова, пользовавшегося особым благоволением при дворе, в 1836–1848 гг. сделало этот период едва ли не самым продуктивным за всю историю Общества. Под покровительством герцога Максимилиана Лейхтенбергского, супруга вел. кн. Марии Николаевны, делало свои первые шаги в науке Археологическо-нумизматическое общество в Петербурге. Больше других преуспело в этом плане Московское археологическое общество: не прошло и года после его открытия в октябре 1864 г., а графу А.С. Уварову удалось заручиться поддержкой со стороны наследника престола вел. кн. Александра Александровича и его брата Владимира Александровича.

Однако опека просвещенных аристократов, придавая устойчивость этим обществам, еще не предreshала успехов их ученых занятий. Более того, П.М. Строев, рассуждая об оптимальном уставе для ОИДР в 1845 г., единственную перспективу видел в превращении Общества в своего рода московский филиал петербургской Археологической комиссии, а его членов – в чиновников по ведомству народного просвещения. Но это предложение всерьез не рассматривалось.

По-настоящему дискуссионным был вопрос об использовании в ученых обществах купцов. Н.С. Арцыбашева возмущала сама мысль об участии в «почтеннейшем» ОИДР купца третьей гильдии Н.А. Полевого, который по суду мог быть подвергнут унижительному телесному наказа-

нию. И.П. Сахаров рассчитывал с прибылью для науки произвести обмен дипломов ученых обществ на капиталы тщеславных купцов, готовых премировать в пределах 500 р. серебром труды по русским древностям, которые бы соответствовали программам, составленным учеными. Секретарь ОИДР О.М. Бодянский был согласен на присоединение таких купцов только в случае повышения платы. Это условие было неприемлемо для клиентов Сахарова, которому пришлось добиваться благосклонности в петербургском Археологическом обществе. Дальнейший ход событий подтвердил правоту Бодянского: большинство «купеческих» премий так и не дождалось соискателей, а разочарованные меценаты чуть ли не со скандалом покинули Общество, прихватив с собой свои капиталы.

Секретарю ОИДР в этом споре о купцах лучше других удалось сформулировать принцип, воодушевлявший объединения самых разных по происхождению и материальному положению любителей старины – это труд «из чести», «без малейшей примеси материализма» (Барсуков Н.П. Русские палеологи сороковых годов... С. 746-747). Крупнейшие ученые общества в России середины XIX в., последовательно реализуя этот принцип в своей деятельности, тем самым размыкали сословные границы и готовили почву для формирования профессионального сообщества историков.

А.А. Синенко (Омский ГУ)

Практика межпоколенческой коммуникации русских историков конца XIX – начала XX вв.

Межпоколенческая коммуникация русских историков была одним из важных факторов самоидентификации исследователей в научном обществе. «Старшее» поколение историков 1860-1880 гг., вошедшее в научное сообщество в 1860-е гг., утвердилось в нем в 1880-е годы, хотя и продолжало активную профессиональную деятельность на рубеже XIX–XX вв. К нему мы относим К.Н. Бестужева-Рюмина, П.Г. Виноградова, В.О. Ключевского и др. В свою очередь, они стали «учителями» для следующего поколения исследователей, вступивших в научное сообщество в начале 1880-х гг. и составивших «ядро» научного сообщества историков уже в начале XX в. – П.Н. Милуков, С.Ф. Платонов, А.А. Кизеветтер, А.С. Лаппо-Данилевский и др.

Коммуникативная практика историков конца XIX – начала XX вв. связана с «двойной» идентичностью исследователей, выразившейся в признании себя учеником или учителем. Историк младшего поколения признавал (или не признавал) себя учеником историка старшего поколения, но историк старшего поколения также был свободен в определении или отрицании своей роли «учителя». К. Мангейм отмечал, что «отношения между учителем и учеником являются не отношениями между двумя

представителями одного и того же “универсального сознания”, а отношениями одного возможного центра жизненной ориентации с другим, призванным его сменить <...> не только учитель создает ученика, но и ученик – учителя. Поколения находятся в постоянном взаимодействии» (Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 26).

Взаимоотношения учителя и ученика определялись известными каждой из сторон нормами университетской культуры. М.М. Богословский писал: «Профессоров мы «товарищами» не считали и в профессорскую входили, точно в какой-нибудь алтарь. Существовало даже выражение: “Пойдем со мной в профессорскую в виде мебели!” Идти “в виде мебели” значило сопутствовать в профессорскую кому-либо, идущему туда по курсовым делам, потому что в единственном числе такой курсовой депутат входить туда все же робел» (Богословский М.М. Историография, мемуаристка, эпистолярная. М., 1987. С. 42). В процессе работы историки «старшего поколения» стремились дать ученикам общие рекомендации, не акцентируя внимание на деталях исследования. Так В.О. Ключевский отмечал: «Наша обязанность <...> помогать, чем можем, художникам, желающим изучить русскую историю и ищущим вдохновение в ней; я только не люблю, когда ко мне обращаются с вопросами специалисты: сам доходи» (Цит. по: Готье Ю.В. В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 180). Похожие взгляды можно отметить и у К.Н. Бестужева-Рюмина, который давал ученикам в большей степени общие рекомендации работы. Отстраненное отношение учителя к ученику – это историографическая традиция, которая складывалась на протяжении длительного времени. По мнению Н.Н. Алеврас, такую систему взаимоотношений с учениками историки 1860–1880 гг. XIX в. заимствовали у С.М. Соловьева (Алеврас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX вв. // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. Челябинск, 2006). Возможно, подобная форма коммуникативной практики с учениками, это попытка историков старшего поколения воспитать самостоятельность и профессионализм исследователей младшего поколения.

Необходимо отметить, что историки конца XIX в. не только признавали влияние «учителей», но также отмечали, что это влияние могло быть различным. М.М. Богословский писал: «воздействие университетского учителя, если оно не ограничивается пределами аудитории, может быть очень сильно и глубоко и при этом не всегда поддается точному учету. Оно не заключается только в идеях и знаниях, сообщенных на лекциях, или в методах, указанных на практических работах. Обмен взглядов по специальным вопросам, споры, передача накопленного долгим временем опыта – все это при общении с учителем пути влияния» (Богословский М.М. Историография, мемуаристка, эпистолярная. М., 1987. С. 26).

Сложившиеся нормы межпоколенческой коммуникации учителя и ученика остались приемлемы и для историков конца XIX в. – начала XX вв. Так С.Н. Валк вспоминал о «пятницах», которые проходили у А.С. Лаппо-Данилевского: «Общее мнение говорит о личной малодоступности А.С. Действительно, можно было бы подыскать не мало иллюстраций к этому положению. Бывая у А.С. по пятницам, легко было подметить в беседе, что в значительной мере она носила пассивный для А.С. характер. Темы беседы возбуждались не А.С., а большей частью это было задачей собеседника, да и беседой эти разговоры можно назвать лишь в очень условном смысле» (Валк С.Н. Воспоминания ученика // Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920. С. 197.) Вместе с тем, С.О. Шмидт предполагает, что А.С. Лаппо-Данилевский с интересом следил за развитием научной деятельности учеников (Шмидт С.О. Путь историка. Избранный труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 175).

Ученик входил в научное сообщество во многом благодаря учителю, и именно поэтому последний чувствовал свою ответственность. В 1891 г. С.Ф. Платонов в письме П.Н. Милюкову писал, что планирует оставить при университете одного из своих слушателей, но при этом утверждал, что в университете нет «школы» по русской истории: «А раз за собою не чувствуешь силы вышколить человека, страшно толкать его на науку, будить надежды и плодить работников “без руля и без ветрила”» (Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003. С. 247). Таким образом, основная задача учителя, по мнению историков конца XIX в., состояла в необходимости «вышколить» исследователя, т.е. передать ему взгляды и традиции одного из научных направлений, при этом не сильно вмешиваясь в его работу.

Историки стремились помочь скорой адаптации учеников в научном сообществе рубежа веков, актуализируя для этого межличностную коммуникацию в рамках своего поколения. Например, С.Ф. Платонов писал А.С. Лаппо-Данилевскому о защите В.И. Веретенникова: «я готов принять его книгу при условии, что Вы, как его учитель, возьмете на себя труд дать о книге факультету отзыв и участвовать в диспуте <...> я прошу Вас сообщить мне, согласны ли Вы провести книгу через факультет к диспуту. Я присоединюсь к Вашему отзыву и, если Вы книгу признаете достойною, готов открыть диспут, представив главные возражения Вам. Действую так в том соображении, что г. Веретенникова я почти не знаю, Вы же знаете его хорошо» (ОР РНБ Ф. 585. Ед. хр. 1831 Л. 2). Понятие «учитель» не являлось для них формальным, оно определяло отношение не только к работе, но и к личности историка младшего поколения.

Межпоколенческая коммуникация учителя и ученика имела не только научный характер. Учитель выступал транслятором информации, связанной с «бытом» научного сообщества, так М.М. Богословский в письме к С.Ф. Платонову сообщал о скором юбилее М.К. Любавского, а также просил передать эту информацию ученикам: «Вы бы очень меня

обязали, если бы сообщили о юбилее Вашим петербургским ученикам, группирующимся вокруг Вас» (ОР РНБ Ф. 585. Ед.хр. 2322. Л. 13).

Таким образом, межпоколенческая коммуникация историков конца XIX – начала XX вв. основывалась на традициях научного сообщества, которые формировались на протяжении второй половины XIX века, а коммуникативная практика способствовала трансляции и сохранению этих традиций в сообществе историков в начале XX в.

Т.В. Павлова (Сыктывкарский ГУ)

Научные сообщества России и работы Н.И. Кареева по истории Парижских секций времен Французской революции конца XVIII века

Современная отечественная историография все больше обращается к исследованию истоков исторической науки, особенно акцентируя внимание на развитии научных школ, направлений, течений и т.д. При этом объединяющим феноменом этих школ и направлений являются выдающиеся личности, поскольку, как заметил Г. Н. Севостьянов, «талантливая личность притягательна».

Такой притягательной личностью стал академик Н.И. Кареев (1850–1931), ведущий специалист по новистике в России в конце XIX – начале XX в., председатель Исторического общества при Петербургском университете (1889–1916). Несмотря на довольно объемную историографию, в изучении творческого наследия Н.И. Кареева есть еще неизученные моменты, связанные с восприятием его работ научным сообществом России. Этому сюжету и посвящена данная статья.

Одной из тем, которая интересовала Н.И. Кареева, была история парижских секций – 48 избирательных округов Парижа, просуществовавших с 1790 по 1795 гг. Работая в Национальном архиве и Национальной библиотеке Франции, он нашел целый пласт неисследованных секционных документов, уцелевших со времен Революции конца XVIII в. На основе этого архивного материала в 1911–1918 гг. Кареев написал ряд исследований, раскрывающих политическую роль секций Парижа в отдельных событиях Революции и их организационную структуру. Параллельно он занимался публикацией секционных бумаг.

Публикация трудов по истории секций Парижа приходится на бурное время в истории нашей страны. Напомним, что в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. в Российской империи начинают формироваться основы парламентаризма, Февральская революция 1917 года приводит к падению монархии, а Октябрьская революция того же года – к созданию нового государственного строя. Во всех революциях правительство сталкивалось с проблемой формирования основ нового общест-

венного порядка, который до этого в России не имел примеров. Изучение опыта других стран в этой ситуации подходило как нельзя лучше.

Появление исследований, что называется, в духе времени из-под пера Н.И. Кареева вызывало в историческом сообществе интерес к его работам. Первым трудом Кареева по истории секций становится обзорная статья «Парижские секции времен Французской революции (1790–1795)» (СПб., 1911), на которую вышли сразу три рецензии. Е.В. Тарле в одной из них назвал его очерк «важным историографическим введением, с которым должен будет считаться всякий, кто займется историей секций» (Русская мысль. 1912. 12. С. 431).

Авторами рецензий и историографических обзоров были главным образом выдающиеся историки. Это уже упомянутый Е.В. Тарле, защитивший докторскую диссертацию на тему «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» и работавший приват-доцентом С.-Петербургского университета. Он является автором четырех рецензий (из 14) на труды Н.И. Кареева о парижских секциях. Не менее известными учеными были А.К. Дживелегов (1875–1952) – признанный специалист по искусству и литературе эпохи Возрождения, занимавшийся в то время историей армии в эпоху Французской революции; С.Ф. Фортунатов (1850–1918) – российский историк, в то время приват-доцент Московского университета; историк-античник и историограф В.П. Бузескул (1858–1931).

Что касается изданий, на страницах которых выходили рецензии, то только перечисления этих названий – «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Русские ведомости», «Речь», «День» – говорит о том, что это были передовые публицистические и научные издания первых двух десятилетий XX века.

Публикации, в которых содержалась характеристика трудов Н.И. Кареева по истории парижских секций, можно разделить на две основные группы: научные и библиографические. В публикациях первой группы обращено внимание на научность рецензируемого труда (авторами их были указанные историки). Рецензии второй группы дают читателю общее представление о содержании труда, и в них нет глубокого анализа (библиографические листки «Вестника Европы»).

Первые отличаются особой ценностью. Особый интерес у авторов рецензий вызвали издания архивных документов Н.И. Кареева, которые он опубликовал как отдельными книжками, так и в приложениях к своим этюдам. «В этих уцелевших бумагах парижских секций Н.И. Карееву очень посчастливилось... Он нашел и напечатал очень характерные документы» – отмечал Е.В. Тарле. А приложения, которые содержали не только выписки из протоколов, но и цветные карты, планы Парижа, секционные карточки, «еще повышают ценность труда» (Русская мысль. 1912. № 12. С. 431). Критики высоко оценили уникальность источниковой базы исследований Кареева: документами секций «не пользовались ни Тэн, ни Олар, ни Жорес» (Вестник Европы. 1913. № 12. С. 412).

Не обойдено вниманием и стремление Н.И. Кареева в своих работах на основе накопленного архивного материала показать в новом свете «некоторые, казавшиеся вполне выясненными события» Французской революции конца XVIII века. Так, отмечают ученые, Кареев «пришел к заключению, что вандемьерское восстание, вызванное фрюктидорскими постановлениями Конвента, не было роялистическим, как обыкновенно думают», а «разбор петиции Жака Ру и секции Гравилье привели его к мнению, что эта петиция неправильно считалась коммунистическою», – писал В.П. Бузескул (Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX веков. Ч. I. Л., 1929. С. 166-167). Критерий научной новизны является одним из самых важных в оценке любого исторического исследования. И здесь, по мнению рецензентов, Карееву удалось внести весомый вклад в изучение не только столичных секций, но и революции в целом.

Интересно заметить, что историки, оценивавшие труды Кареева по истории секций, с нетерпением ждали его новых работ и даже размышляли над направлением будущих изысканий. «Очень желательно, чтобы почтенный автор разработал удачно поставленную им интересную проблему со всею обстоятельностью... Нам кажется, что при дальнейшем углублении темы сам собою выдвинется еще один, попутный, так сказать, вопрос: как смотрела эмиграция на вандемьерское восстание?», – писал Е.В. Тарле относительно этюда Кареева о характере вандемьерского восстания (Русское богатство. 1914. № VII. С. 349).

Как видим, общий тон рецензий позволяет сделать вывод, что научное сообщество относилось к Н.И. Карееву как ведущему специалисту по истории Французской революции. Его труды по истории парижских секций демонстрировали сообществу историков, что настоящее исследование – это здание, в основании которого – неизученные источники в сочетании с обширными историографическими экскурсами. Именно это позволило Карееву, как указывали авторы рецензий, найти новое прочтение казалось бы уже решенных проблем в истории революции во Франции конца XVIII века.

О.И. Зезегова (Сыктывкарский ГУ)

Два поколения научной школы по новистике Н.И. Кареева: возможности интеграции в трансформирующееся общество

Научная школа Н.И. Кареева по новистике является бесспорным явлением в отечественной историографической науке. Становление школы связано с началом преподавательской работы Н.И. Кареева в Санкт-Петербургском университете в 1885 г. За первое десятилетие преподавательской деятельности «выучку» у профессора проходят способные студенты, многие из которых впоследствии стали выдающимися учеными –

А.М. Ону (1865-1935), В.А. Мякотин (1867-1937), П.А. Конский (1870-?), П.П. Митрофанов (1873-1917), В.Г. Василевский (1874-1903), Е.В. Тарле (1875-1955), В.А. Бутенко (1877-1931).

В 1899 г. Н.И. Кареев был отстранен от работы в университете за поддержку студентов в волнениях, связанных с принятием реакционного Университетского устава. Только семь лет спустя ученый возвращается к излюбленной педагогической деятельности. Формируется второе поколение учеников в рамках семинария «Французская рационалистическая и революционная идеология XVIII века». Об этих годах Н.И. Кареев писал в воспоминаниях: «За все время моей преподавательской деятельности у меня сразу или на протяжении короткого времени не было такого количества способных и обещающих в будущем учеников, как в эти годы, когда в моем семинарии работали названные лица (Шульгин, Ник. Петр. Соколов – О.З.) и, кроме того, Е.Н. Петров, В.В. Бирюкович и И.Л. Попов».

«Младшее» поколение, таким образом, более многочисленно, однако менее известно широкой читательской аудитории. Назовем его представителей: И.Л. Попов-Ленский (1883–193?), Н.П. Соколов (1890–1979), В.В. Бирюкович (1893–1954), Я.М. Захер (1893–1963), П.П. Щеголев (1903–1936), Е.Н. Петров, А.А. Матвеева-Леман, С.М. Глаголева-Данини, М.А. Буковецкая. Не все из перечисленных были студентами Петербургского университета, три последние учились на Высших Женских курсах, Н.П. Соколов окончил Нежинский историко-филологический институт. Однако достоверно известно, что они называли себя учениками Н.И. Кареева. Так, например, студенты Горьковского государственного университета, внимательно слушали лекции по историографии профессора Н.П. Соколова, начинавшиеся словами: «Как говорил мой любимый учитель Н.И. Кареев...».

Большинство имен «младшего» поколения были преданы забвению, однако в настоящее время в Сыктывкарском университете идет работа по восстановлению научного наследия ученых, составлявших «научную школу Н.И. Кареева по новистике». Опубликованы статьи в журнале «Новая и новейшая история» (позже в сборнике «Портреты историков») о Я.М. Захере (В.П. Золотарев), В.В. Бирюковиче (О.И. Зезегова, В.П. Золотарев), защищены кандидатские диссертации о В.А. Бутенко (С.Л. Клестова), В.В. Бирюковиче (О.И. Зезегова), подготовлено диссертационное исследование об А.М. Ону (Ю.С. Волкова).

В судьбах представителей «школы Н.И. Кареева», как в зеркале, отразились политические и социально-экономические проблемы послереволюционной России, особенности формирования нового общества и новой советской номенклатуры. Были те, кто покинул Россию, не пожелав принять новый режим, как А.М. Ону и В.А. Мякотин. Оставшиеся В.А. Бутенко, Е.В. Тарле, С.М. Глаголева-Данини в 1931 г. были привлечены по «Академическому делу». В 1938 г. был арестован, а через два

года осужден на восемь лет Я.М. Захер. Арестам подверглись, но после разбирательств были отпущены В.В. Бирюкович и Н.П. Соколов.

Пережившие Октябрь 1917 г. ученики Н.И. Кареева, по сохранившимся данным, не приняли пролетарскую революцию. Нам известны высказывания двух учеников двух поколений – А.М. Ону и В.В. Бирюковича. По словам первого, Ленин «подверг живое тело [России] вивисекции», второй в своем дневнике называет лидера пролетариата Ленина «лилипутом мысли» с «крохотным блошиным кругозором». Но если А.М. Ону предпочитает покинуть Россию, то В.В. Бирюкович мимикрирует под сложившиеся социально-политические условия. Так вынуждены были поступить и другие – Е.В. Тарле, Е.Н. Петров, Я.М. Захер, Н.П. Соколов. Возможно, исключение составляет П.П. Щеголев, отстаивавший марксистский взгляд на исторические явления и процессы. Этот молодой профессор Ленинградского университета (умер в возрасте 33 лет), сохранивший проблематику «Ecole russe», изучал историю Французской революции, не отступая от учения К. Маркса и В. Ленина, за что в дневнике В.В. Бирюковича был прозван «калмыцким истуканом» – «толкнешь, покатится, все на пути перевернет, а с «линии» не свернет».

Таким образом, объединяющим началом двух поколений «школы Н.И. Кареева» была, безусловно, общая проблематика – история Франции, а также техника историописания, основанная на первоисточнике. В исторических исследованиях учеников Н.И. Кареева прослеживается уважительно-требовательное отношение к первоисточнику, к историческому факту – фундаменту истории. В условиях, когда полным ходом шла борьба с «фальшивой» теорией «истинности источника», это было довольно непросто.

Бесспорной характеристикой «Ecole russe» (ее правопреемницей стала школа Н.И. Кареева по новистике) было отсутствие идеологической односторонности, что трудно сохранялось в советской науке, стремившейся изучать социально-экономические и политические проблемы на условиях принципа социалистической партийности. Однако это в какой-то мере удавалось «младшим» ученикам Н.И. Кареева. В частности, В.В. Бирюкович выступал против схематизма и упрощения истории. Н.П. Соколов в своих выступлениях на собраниях прилюдно высказывал крамольные мысли (например, о том, что русская интеллигенция жила достойно в дореволюционной России, не испытывали голода и крестьяне), завершая словами: «Я провожу атеистическую программу. Это я говорю для тех, кто докладывает».

Можно с уверенностью говорить, что разрывы были связаны с внешним фактором – историческими событиями, охватившими Россию осенью 1917 г. Представители «старшего» поколения покидают Россию, либо погибают в лагерях в первые годы советской власти (В.А. Бутенко). Исключение составляет Е.В. Тарле, ставший «известным советским историком», имя которого позже попадет в энциклопедии и на страницы

учебников. «Обещающие в будущем» «младшие» ученики сосредоточиваются прежде всего на педагогической работе (В.В. Бирюкович, Н.П. Соколов, Я.М. Захер), воспитав несколько кандидатов (А.А. Чернобаева, И.В. Кеткова) и докторов исторических наук (И.А. Белявская, А.Д. Люблинская). Им в значительной мере удалось сохранить традиции «Школы Н.И. Кареева» в новых социально-политических условиях советского общества. Им были присущи высокая научная добросовестность, высокая культура мышления, безграничная преданность делу педагога, что роднит их с русским ученым Н.И. Кареевым.

Ю.С. Волкова (Сыктывкарский ГУ)

Линия «учитель-ученик» в научной биографии А.М. Ону: влияние Н.И. Кареева и А. Бретта

Раскрытие конкретно-исторических взглядов, реконструкция целостной научной концепции ученого невозможны без рассмотрения условий формирования его научных интересов, становления его исследовательской лаборатории, влияния на него образовательной среды и научного окружения. В данном ракурсе важная роль отводится личности учителя, руководителя, его умению «посвятить в науку», в концептуальный и методический аппарат, ценностные ориентации и категории изучаемой сферы знания. Выявление преемственности исторического знания от одного историка к другому, от учителя к ученику осложняется при наличии нескольких наставников, иногда имеющих разновекторные научные интересы, на этапе становления взглядов начинающего историка.

Аспекты научной биографии русского историка, дипломата, общественного и государственного деятеля Александра Михайловича Ону (1865–1935) свидетельствуют о влиянии на его творчество двух фигур исторической мысли – русского историка Н.И. Кареева и французского ученого Арманда Бретта, ставшего известным в научном мире собранием и публикацией документов по созыву Генеральных штатов. Определение степени влияния последнего актуализируется тем обстоятельством, что в исторической науке имя А.М. Ону прочно связано со «школой Н.И. Кареева» («дочерней» школой представителя «русской исторической школы»). Роль А. Бретта в формировании научных взглядов А.М. Ону исследована слабо, хотя представляется нам определяющей в методологическом отношении.

Путь А.М. Ону как ученого-историка начинается с университетского семинара Н.И. Кареева. В разное время из него вышли будущие специалисты по новоевропейской истории. Среди них, помимо Ону, следует назвать М.Г. Васильевского, В.А. Мякотина, В.А. Бутенко, П.П. Митрофанова, И.Л. Попова-Ленского, В.В. Бирюковича, П.П. Щеголева, Я.М. Захера и др. Семинар становился той площадкой, где осуществля-

лась научная подготовка, освоение исследовательских навыков и принципов работы с историческими источниками. Ключевым является вклад Н.И. Кареева в выбор его подопечными исследовательской проблематики. Тематика исследований А.М. Ону была определена после окончания университета. Этому способствовало привлечение Кареевым своего ученика (в силу причин не оставленного при университете для подготовки магистерской диссертации) к работе Исторического общества при Петербургском университете. Отметим, что Общество играло значимую роль в развитии традиций «русской исторической школы». Н.И. Кареев выступал в основном с докладами по историографическим проблемам Французской революции XVIII в. Рефераты и сообщения И.В. Лучицкого были связаны с историей землевладения во Франции, французского крестьянства накануне и во время Французской революции. Выступали с докладами и их ученики. В живых дискуссиях актуальных вопросов истории тем самым происходила передача научного опыта, достижений и методических наработок ученых молодому поколению. Разработка А.М. Ону социально-экономической тематики новой истории Франции стала преемственной связью с кругом научных интересов наставника.

Отметим, что поставленная перед А.М. Ону задача была сложна и широка – анализ проблем предреволюционной Франции, выяснение того, «что думала и чувствовала Франция в 1789 г. по наказам». В поле исследования историка, таким образом, попали социальные, экономические и политические противоречия французского общества конца XVIII века. Стремление историка «ограничить объем задачи» встречало противодействие со стороны учителя, уговаривавшего его «не суживать искусственно разбираемого предмета». Следуя совету Н.И. Кареева, в Париже, куда он мог часто ездить благодаря летним ваканциям, Ону день за днем собирал и анализировал материал огромных архивных серий, прорабатывал французскую историографию по схожей тематике. Когда накопленных данных стало слишком много, историк столкнулся с проблемами методологического характера. Подходящих методик для изучения столь обширного и противоречивого материала в арсенале неопытного историка не было, а его субъективизм в критике наказов был непреодолим.

Противоречия развеяла случайная встреча А.М. Ону с французским историком А. Бреттом. Знакомство, переросшее затем в дружбу, имело решающее значение для научного роста молодого историка. Во-первых, по совету Бретта, Ону изменил исследовательскую стратегию, «временно специализировавшись, в виде опыта», на частных вопросах, не думая о конце работы. Это помогло упорядочить материал, выявить основные и второстепенные аспекты исследования. Во-вторых, Бретт способствовал появлению статей молодого автора на страницах авторитетного журнала «La Révolution Française». В-третьих, итогом научного взаимодействия российского и французского историков стали статьи и рецензии, главной задачей которых стала попытка выработать научный подход к анализу

исторического источника. Определенный результат этого поиска был изложен Ону в статье «Издание текстов по новой истории» (ЖМНП. 1895. № 7. С. 116-130), объектом изучения которой оказались неизвестные русским научным кругам исследования Бретта. Через анализ исследовательской практики и методов своего французского коллеги и учителя, он попытался продемонстрировать принципы научного исследования исторических источников. Главный принцип, подчеркнутый им в трудах Бретта и примененный затем в собственных исследованиях, – критическое изучение источников. Можно выделить несколько черт, через которые данный принцип реализуется в понимании Ону. 1) Оценка каждого факта в источнике. 2) Тщательность и внимательность, точность и мелочная аккуратность в обращении с источниками. 3) Систематичность изучения. Применение этих принципов позволило провести тщательное исследование наказов третьего сословия 1789 г., результаты которого были изложены им в фундаментальном труде «Выборы во Франции в 1789 году и указы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны.» (СПб., 1908. 719 с.) После издания монографии Ону он был приглашен в члены «Société de l'histoire de la révolution française», возглавляемого профессором А. Оларом.

Следует отметить, что сотрудничество А. Бретта и А.М. Ону, продолжавшееся в течение десяти лет, являлось определенным научным импульсом для молодого исследователя и не противоречило методике работы с источниками Н.И. Кареева. Больше того, «русский метод» исследования первоисточников, объединивший, по мнению Ону, Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого и М.М. Ковалевского, был родственен историческому анализу революционных материалов «последнего направления французских историков революции», во главе с А. Оларом и А. Бреттом, имея в виду подход к изучению источников «Общества истории французской революции».

В этом отношении Ону считал своими прямыми учителями как Н.И. Кареева, так и А. Бретта. Заметим, что влияние Кареева было определяющим при формировании научных интересов Ону. Он поддерживал ученика на протяжении всей его научной деятельности, рекомендуя его работы к публикации, консультируя по поводу монографии, подыскивая рецензентов, предлагая его кандидатуру на учительские должности и пр. Вклад Бретта являлся ключевым при поиске и разработке подходящей методики анализа наказов. Французский историк являлся учителем именно в методологическом плане. Его диаметрально противоположный кареевскому совет – «специализация на частных вопросах», другими словами, сужение разбираемого предмета, сразу привел Ону к важным научным результатам. Кроме того, благодаря Бретту он стал известен в научном кругу Франции и достиг значительных успехов в исторической науке.

Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века как исторический источник

Лекционные курсы известных историков всегда широко использовались как историографический источник. В комплексе с анализом научных исследований того или иного ученого они позволяют в наибольшей полноте восстановить его историческую концепцию, выявить взгляды по вопросам, не освещенным в специальных трудах. Анализируя лекционные курсы по одному предмету, литографированные в разные годы, можно наглядно проследить эволюцию мировоззрения данного профессора. К сожалению, в историографических работах литографированные издания зачастую используются как типографские даже без упоминания о том, что анализируется литография. Однако литографированные в XIX веке издания лекций отличаются рядом особенностей, без учета которых невозможен их объективный научный анализ.

Литография как вид печати была изобретена еще в 1789 г. и, в отличие от типографского набора, позволяла тиражировать любой, в том числе рукописный текст. Она, как правило, малотиражна (50–80 экз.) и недорога, что привело в условиях отсутствия в XIX в. университетских учебников к её широкому использованию студентами при подготовке к экзамену.

Подробно изучив более сорока литографированных изданий лекций профессора Московского университета В.И. Герье (1837–1919) мы пришли к выводу, что существовало три основных способа подготовки литографий лекций.

Первый способ – подготовка литографии предприимчивыми студентами без ведома, а иногда вопреки воле преподавателя. Основой текста становились студенческие лекции, записанные на слух, не выверенные самим преподавателем. Часто профессора, чье имя стояло на титульном листе, даже не подозревали о подготовке такого издания. Издатель сам получал прибыль от распространения литографий.

Слушательница Высших Женских курсов Е.Н. Щепкина вспоминает, что материально необеспеченные курсистки в 1873 г. решили издать лекции, чтобы заработать на их продаже. Однако профессора запрещали подобные издания, угрожая изменить лекции (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л. 16-17). Можно предположить, что причинами этого запрета являлось стремление побудить слушателей самостоятельно записывать лекции. Но главными были обоснованные опасения профессоров по поводу низкого уровня студенческих литографий. Исполненные неразборчивым почерком дешёвого писаря, на папиросной бумаге, с грубыми ошибками, эти издания зачастую компрометировали уровень лекций профессоров. Так, в 1873–74 гг. проф. Н.А. Любимов, цитируя подобные небрежно выполненные литографии в своих статьях в «Московских ве-

домостях», обосновывал необходимость пересмотра Устава 1863 года под предлогом повышения уровня преподавания. Такие издания, содержащие грубейшие фактологические ошибки, имеются и в проанализированных нами лекциях Герье [См.: Лекции Новой истории проф. В.И. Герье. 1868–69 гг. [М.] Литография И. Волкова на Тверском. Издатель студ. Александр Кельцов (в экземпляре, хранящемся в РНБ, II часть лекций переплетена перед I частью, имеются пропуски страниц); Новая история. Лекции В.И. Герье. 1876–77 уч. г. Издатель Харахоркин (в экземпляре из РГБ фактические ошибки: на стр. 5 начало Реформации отнесено к 1577 году и т.д.)]. Они относятся, как правило, к 60–70-м годам XIX в.

Второй способ подготовки литографии – «с надлежащего разрешения», о чем делалась соответствующая запись на титульном листе или в конце издания. Особенностью этих изданий являются приложения, которые, наверно, предоставляли сами профессора в виде подробного списка литературы, программы курса, перечня «замеченных ошибок». Непонятно, кто получал прибыль от издания в этом случае. Иногда имеются надписи о продаже их в конкретном книжном магазине (См., например: Лекции по новой истории, читанные ординарным профессором Московского университета В.И. Герье в осеннем полугодии 1888–89 года. М.: [Лит. В.В. Чичермна], 1888. На с. 53 надпись «продажа в книжном магазине Карабасенкова»). Появление подобных изданий свидетельствует о том, что профессора, не сумевшие прекратить самостоятельный выпуск полуподпольных литографий, осознали необходимость взять этот процесс под свой контроль.

Третий способ изданий – инициированные или осуществленные самими профессорами. В одном из писем 1894 года из Швейцарии от Герье к М.С. Корелину содержится просьба найти студента Лаврова, который занимается изданием курса новой истории, поторопить его и переслать Герье литографированные листы на проверку (ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 2-2об.). В одном из подобных изданий Герье на титульном листе содержится надпись «Руководство, наблюдение и раздача лекций у профессора 15/16 сентября» (Новая история. Лекции, читанные в осеннем полугодии 1887/88 ак. г. В.И. Герье. М.: Типо-литогр. «Восток». С. 1). Неясно, подразумевает ли слово «раздача» бесплатное обеспечение студентов этими изданиями, или профессора имели определенные доходы от этой деятельности. Данные издания относятся, как правило, к концу XIX – началу XX вв. и по качеству содержания и исполнения приближаются к печатным типографским работам (См.: Герье В.И. История XVIII века. Лекции, читанные в 1902–03 году. М.: Типо-литогр. Ю. Венер, 1902. 525 с. Это одно из лучших изданий лекций Герье). К сожалению, баз привлечения дополнительных источников иногда невозможно определить характер происхождения литографии, что требует от исследователя осторожности при их цитировании, ведь автором цитаты может оказаться не сам учёный, а студент.

Литографированные издания наряду с функцией историографического источника могут быть и интересным историческим источником. Во-первых, они свидетельствуют о прогрессе их изготовления (качество бумаги, образцы почерка, методическое обеспечение, появление машинописных изданий). Во-вторых, они создают как бы образ профессорской лекции. Устное слово, преобразуясь в письменный текст, дает возможность проникнуть в атмосферу самой лекции: присутствующие в лекции отступления от темы, проводимые профессором параллели темы лекции с событиями, разворачивавшимися в тот момент за окнами аудитории, и философские размышления, отражавшие сиюминутное настроение преподавателя. В-третьих, издания демонстрируют сам процесс изучения лекций студентами. На них сохранились многочисленные пометы в виде подчеркиваний, надписей, комментариев. На некоторых изданиях сохранились пометы, сделанные разными почерками, что говорит о многократном их использовании. Иногда содержится дополнительная информация [например: «А.Н. Шатилов + [умер] 1891 мая 3 дня». – Новая история. Лекции, читанные в осеннем полугодии 1887/88 ак. г. С. 1. Экземпляр хранится в РГБ]. На титульном листе лекций 1883/84 года имеется надпись карандашом «Герье и Виноградов», что позволяет предположить, что лекции в тот год читали оба профессора (См.: Новая история. Лекции В. Герье. 1883/84 г. Экземпляр хранится в РНБ). Издания часто студентами надписывались, и можно выяснить, что студент С. Архангельский был аккуратным пользователем: более десяти принадлежавших ему литографий хранятся ныне в Российской государственной библиотеке. Литографированные издания являются важным источником при изучении процесса преподавания в высшей школе. Они позволяют восстановить реальную программу преподавания того или иного предмета, а иногда даже перечень экзаменационных вопросов.

Важной проблемой является атрибутирование названий лекций, хранящихся в современных библиотеках. В некоторых экземплярах не сохранились титульные листы, и библиографами самостоятельно дано их название, не всегда адекватно отражающее содержание. Например, «Новая история» в лекциях Герье могла освещать и события XV–XVI вв., и изложение истории XVII–XVIII вв. Имеются издания, в которых сброшюрованы (возможны самим пользователем – студентом) сразу несколько лекционных курсов, а названы они в картотеке по первому подшиту в этом экземпляре курса. Нами выявлено, что одно и то же литографированное издание может называться по-разному в разных библиотеках. На наш взгляд, необходимо распространить на литографированные издания требования, предъявляемые к оформлению архивных материалов, и указывать наряду с названием по каталогу и место хранения издания.

Таким образом, литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века являются ценным историографическим и историческим источником. Однако при его анализе необходимо определить спо-

соб его создания. При возможности, желательно сверять их с сохранившимися в архивах рукописными вариантами. [Текст литографии А. Кельцова 1868–69 гг. был сверен нами с рукописью курса, сохранившейся в архиве Герье (ОР РГБ. Ф. 70. К. 14. Ед. хр. 1 – Конспекты лекций по истории XVIII века. 1868–69 гг. 43 л.)]. Необходима осторожность в использовании т.н. «студенческих» литографий, чтобы не приписать ошибки нерадивого студента профессору. Цитирование литографированных изданий желательно осуществлять с указанием библиотеки, в которой они хранятся.

А.М. Столяров (Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань)

**М.К. Любавский и Ф.И. Леонтович – представители
Государственной школы в русской историографии истории
Великого княжества Литовского**

К 1890-м годам взгляды отечественных учёных на историю Русско-го государства значительно эволюционировали с начала XIX столетия. В русской историографии истории Великого княжества Литовского сложилась следующая ситуация. Выдвинутая Н.Г. Устряловым ещё в 1830-е гг. концепция политического развития княжества сохраняла своё влияние на историков до конца XIX в., хотя к этому времени в ней накопилось достаточно много противоречивых моментов. Базовыми положениями этой концепции были идеи идентичности политического устройства Великого княжества Литовского и Московской Руси в XIV–XV вв. на основе удельного строя, естественной эволюции этого устройства в направлении сосредоточения власти у великого князя путём ликвидации им уделов.

Однако к началу 1890-х годов в научный оборот ещё не было введено крупнейшее собрание документов по истории Великого княжества Литовского – великокняжеский архив Литовская метрика. В 1886 г. к изучению её подлинника в московском архиве Министерства юстиции приступил молодой историк М.К. Любавский. В 1892 г. в «Чтениях Общества истории и древностей российских» начала издаваться его магистерская диссертация «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута». В том же 1892 г. в Варшавский университет приехал преподавать Ф.И. Леонтович, который на основе изучения копий актов Литовской метрики в 1894 г. издал работу «Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства». Между М.К. Любавским и Ф.И. Леонтовичем развернулась дискуссия, результатом которой стал пересмотр взглядов на политическое устройство Великого княжества Литовского.

В магистерской диссертации главным выводом М.К. Любавского явилось положение о федеративном, а не об удельном устройстве Великого княжества Литовского в XV в. Извлечённые историком из Книги записей Литовской метрики делопроизводственные материалы показывали, что на местные должности среднего звена в Киевской земле великий князь в большинстве случаев назначал местных же русских князей и бояр. При анализе привилея Полоцкой земле М.К. Любавский установил, что судебные споры между полочанами решались только в Полоцке и не переносились в Вильно в случае несогласия на это какой-либо из тяжущихся сторон, даже если бы этого желал великий князь. Основываясь на этих и других фактах, историк пришёл к выводу, что отдельные русские земли в XV – начале XVI веков являлись сплочёнными автономными единицами, объединёнными только под номинальным верховенством Литвы. В таком случае Великое княжество Литовское выступало не как владение княжеской литовской династии, разделяемое великим князем на уделы, а как федеративное объединение древнерусских земель с Литвой.

В противовес М.К. Любавскому в факте самостоятельности древнерусских земель в составе Великого княжества Литовского Ф.И. Леонтович увидел лишь «удельную рознь между отдельными литовско-русскими областями» (Леонтович Ф.И. Очерки по истории литовско-русского права. СПб., 1894. С. 33). А процесс ликвидации удельного «многодержавия» историк продлил и на XVI век, когда, по его мнению, уделов уже давно не было. Наиболее ярким примером длительности уничтожения удельной системы Ф.И. Леонтович считал историю Мстиславского княжества, в которой, по его мнению, «воспроизводятся **все главные явления** (выделено автором – А.С.), характеризующие вообще удельный быт литовских областей» (Леонтович Ф.И. Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. № 7. С. 111). Современные данные не подтверждают утверждение Ф.И. Леонтовича. История Мстиславского княжества не выражала общие политические процессы, протекавшие в Великом княжестве Литовском в XV в. Самые крупные удельные княжения Гедиминовичей были ликвидированы в 1390-е гг. Витовтом и окончательно в 1470-е гг. при Казимире IV. Хотя применительно к данному региону (русским землям к востоку от этнической Литвы) Ф.И. Леонтович был прав. До 1495 г. Мстиславль сохраняли потомки Ольгерда по линии его сына Каригаило. После пресечения этой ветви Мстиславль получил русский князь Михаил Иванович Заславский, который в 1527 г. отписал его сыну великого князя Сигизмунда Старого Сигизмунду Августу (См.: Гудавичюс Э. История Литвы. С древнейших времён до 1569 года. М., 2005. С. 395-396). Ф.И. Леонтович абсолютизировал эпизод с Мстиславским княжеством до общераспространённого в Великом княжестве Литовском явления.

М.К. Любавский в магистерской диссертации считал историю Мстиславского княжества единственным исключением из общего хода развития земель Великого княжества Литовского. Для большинства остальных русских земель, по его мнению, была характерна областная автономия. Историк также был не совсем прав. Так, мелкие русские княжества, располагавшиеся к югу от этнической Литвы (Кобринское, Пинское, Клецкое), были окончательно ликвидированы великокняжеской властью только к 1510-м гг. Чернигово-северские и верховские князья также сохраняли своё полузависимое от Литвы положение до конца XV – начала XVI вв., до перехода на службу к московскому князю. Поскольку удельные владения существовали и в это время, то данный факт подрывал прочность федеративной теории самого М.К. Любавского. Можно утверждать, что он также абсолютизировал свою идею об областной автономии на примере тех русских земель, которые получали областные привилегии, и первоначально не стал обращать внимания на справедливые поправки Ф.И. Леонтовича.

Кроме того, перед М.К. Любавским встала задача обоснования своих взглядов применительно к XIV столетию, когда на русских землях ещё существовали владения Гедиминовичей, которые большинство историков, по традиции, считали удельными княжествами. В специальной статье М.К. Любавский пришёл к выводу, что уделов в Великом княжестве Литовском не существовало уже в XIV в., т.к. те княжения, которые получали потомки Гедимины, переходили от одного князя к другому не по установленному порядку старшинства, а по необходимости закрепления за новой княжеской династией присоединённых территорий (См.: Любавский М.К. О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV вв. // Издания Московского исторического общества. Т. I. 1896. С. 78). При этом литовские князья разделяли полномочия с местной русской знатью. Последнее утверждение М.К. Любавского было гипотетическим, поскольку акты XIV в. не позволяли его проверить. Историк в данном случае исходил из логики своих построений касательно последующего исторического периода. Однако это не смутило его пойти на решительный разрыв с существовавшей традицией объявления Великого княжества Литовского в XIV в. удельным государством.

Концепция историка была частично принята его коллегами – И. Якубовским и М.В. Довнар-Запольским. Последний предпринял осторожную попытку совместить идеи М.К. Любавского и Ф.И. Леонтовича, но не стал углубляться в изучение этой проблемы (Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев, 1901. С. 50). В 1904 г. вышла в свет первая часть «Курса русской истории» В.О. Ключевского. Сравнив между княжеские отношения в Северо-Восточной Руси и Великом княжестве Литовском на основе выделенных им признаков удельного княжества,

В.О. Ключевский пришёл к выводу об отсутствии удельного строя в этом княжестве (Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. Ч. 1. М., 1987. С. 341). Эти слова сближали взгляды историка с идеями М.К. Любавского.

В начале XX в. в «Очерке истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» М.К. Любавский признал справедливыми идеи Ф.И. Леонтовича об уделах в отношении мелких русских князей Рюриковичей. Это повлекло за собой отказ от представления Великого княжества Литовского федерацией Литвы с русскими областями. М.К. Любавский твёрдо на таком понимании уже не настаивал, употребляя в отношении Великого княжества Литовского термин «конгломерат земель и владений» (Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004. С. 67), между которыми отсутствовала солидарность. Русские земли, по мнению историка, стояли «особняком друг от друга». Данное представление подтверждается в современной историографии.

Таким образом, в 1890-е годы в русской историографии истории Великого княжества Литовского начался отход от господствовавшей концепции его политического устройства. М.К. Любавским было отвергнуто представление об удельном строе этого княжества. В ходе дискуссии с Ф.И. Леонтовичем сложилось новое понимание его политической структуры, близкое современному подходу. Историки в начале XX в. присоединились к взглядам М.К. Любавского. В целом, был сделан вывод о принципиальном различии между политическим устройством Великого княжества Литовского и Московской Русью.

Г.П. Мягков (Казанский ГУ)

**Сложилось ли научное сообщество историков
в дореволюционной России?**

(по материалам подготовки к IV Международному
историческому конгрессу)

В 11 часов утра 18 декабря 1913 г. Президент Императорской Академии наук великий князь Константин Константинович открыл первое заседание Предварительного Совещания по вопросу об устройстве в Санкт-Петербурге в 1918 г. IV Международного исторического конгресса. Решение о его созыве было принято на III, Лондонском, конгрессе, состоявшемся в апреле того же года. Выбор России в качестве страны-организатора нового конгресса не был случайным. «Приглашением конгресса в Россию» организаторы международных конгрессов отметили «деятельнейшее участие» русских делегатов в работе Лондонского конгресса, «подавляющее большинство» докладов которых, по словам Е.В. Тарле, «было очень замечено, вызвало оживленные комментарии,

находило публично выражаемую лестную оценку и признание» (Научный Исторический Журнал. СПб., 1913. Т. I. Вып. 1. С. 131).

И вот в течение трех дней (18–20 декабря) 67 делегатов – известных российских ученых-историков, представлявших «45 ученых учреждений и организаций», являвшихся центрами исследований в области исторической науки в России [в их числе были: Академия наук, Санкт-Петербургский, Московский, Казанский, Киевский, Варшавский, Томский, Гельсингфорский, Одесский университеты, духовные академии, государственные архивы, археологические комиссии, комиссии по разбору древних актов, исторические общества (Общество Нестора Летописца, Русское археологическое общество и др.), библиотеки, музеи], решают вопросы об учреждении организационного и исполнительного комитетов, местных комитетов, прежде всего в университетских городах, «для организации докладов, содействию устройству выставки, составления обзоров состояния науки и деятельности ученых обществ и учреждений...» (Там же. 1913. Т. I. Вып. 3. С. 155). Само предварительное совещание конституируется в Организационный комитет, его председателем избирается акад. А.С. Лаппо-Данилевский.

Наряду с организационной работой, Совещание пристальное внимание уделило вопросу о «чисто научных» приготовлениях к съезду. Высказанные в выступлениях Н.И. Веселовского, Н.И. Кареева, Н.И. Любовича, М.И. Ростовцева «пожелания и соображения» было решено принять как «директивы для исполнительного комитета».

Исходя из опыта предыдущих международных исторических конгрессов, Н.И. Кареев предложил для того, чтобы работа Петербургского конгресса, его иностранных участников стала плодотворной, «составить и издать к конгрессу... своего рода путеводитель – по русской исторической науке, с которою на Западе так мало знакомы». Великолепно знавший состояние исторической науки за рубежом Н.И. Кареев обратил внимание на то, что «в серьезных историографических пособиях на немецком языке, в тех местах, где речь заходит о национальных историках разных стран, остаются упомянутыми ни С.М. Соловьев, ни Н.И. Костомаров, ни В.О. Ключевский и т.п. В иностранных исторических журналах, кроме славянских, большая также редкость периодические обзоры текущей исторической работы в России, историографические очерки по разным вопросам нашего прошлого, рецензии о русских исторических книгах, – большая и очень большая... редкость, имеющая характер случайных исключений из общего правила каким является игнорирование русской исторической науки...» (С. 159).

Этот путеводитель, по мнению Кареева, непременно должен быть книгой (а не брошюрой!), в которой «нужно показать... что было сделано и что делается как русскими учеными, так и государством и обществом в интересах исторической науки». Намечая план книги, Кареев предлагает в особых главах представить сведения об архивах, архивном деле, об изда-

нии архивных документов, о состоянии археологии в России, о русских ученых учреждениях и о высших школах, в которых совершается разработка и происходит научное преподавание истории. Ряд глав ученый предлагает посвятить проблемной историографии. Центральная из них должна рассказать о «разработке нашей отечественной истории, естественно главным деле русских ученых», указать на этапы и направления, на заслуги наиболее видных историков, на самые крупные труды и их научное значение. Особую главу планировалось отвести анализу работ русских ученых, связанных с такими большими «рубриками», как древний мир, средневековье, новая история, выдвинув на первый план изучение сделанного в области национальных историй. Главы или параграфы о «русских трудах по истории отдельных европейских стран», о которых имеется «некоторое количество серьезных научных трудов», предполагалось издать отдельными брошюрами на языках соответственных наций.

Исследуя материалы Совещания по вопросу об устройстве IV Международного исторического съезда в России, можно высказать следующую гипотезу. *Во-первых*, русские историки вполне осознавали, что историческая наука России прошла путь от появления первых профессионалов-историков до складывания **целостного научного сообщества**, пространство которого определялось сформировавшейся и достигшей известной развитости институционально-коммуникативной сетью. Во-вторых, они рассматривали себя перед лицом европейской науки как **научное сообщество**, обретавшее внутреннее единство, а предстоящий съезд – как важную форму дальнейшей интеграции в международное научное пространство. Эту мысль сформулировал в своей речи возглавлявший русскую делегацию на Лондонском конгрессе акад. А.С. Лаппо-Данилевский: «Смею утверждать, что каждый научный конгресс нацелен на объединение человеческой мысли. И у исторических конгрессов нет другой цели... как объединение исторической мысли» (Цит. по: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 223).

Это внутреннее единство сообщалось не тем, что перед внешним наблюдателем представало сообщество, исповедующее некую общую концепцию, а системой коммуникаций между учеными, научными школами. Совокупность различных научных сообществ, представленных на Совещании, была связана обменом деятельностью по производству, накоплению, использованию исторического знания, она поддерживала устойчивые межличностные и межгрупповые отношения, что привело к образованию вполне зримого «научного пространства» – системы научных дисциплин, исследовательских практик. Свою роль в этой системе коммуникаций играли и иные формы организации жизни ученых.

Такой подход открывает возможности преодоления присущего советской историографии признания **дискретности** научного пространства дореволюционной историографии, на поле которого действовали проти-

востоящие друг другу течения и направления, отражавшие и выражавшие борьбу классов, и при том все вместе занимавшие позицию «внеположенности» марксистскому историознанию. В описании этой «хаотичности» оказалось зафиксированным и другое существенное качество советской историографии: в центре внимания, как правило, оказывалась проблема выполнения историками идеологической и политической функций. Сформировавшаяся к рубежу 20–30-х годов XX в. историографическая модель заложила традицию выделять направления в науке по классовому признаку. Как известно, практика была трагичной: произошедший в Октябре 1917 г. «колоссальнейший из революционных переворотов» (М.Н. Покровский) породил, по определению М.Г. Ярошевского, «...беспрецедентный в истории человеческой культуры феномен репрессированной науки, ибо **объектом репрессии оказалось научное сообщество в целом...**» (выделено мною. – Г.М.).

Анализ сложившегося положения дел в исторической науке России к 1914 году позволяет глубже осмыслить и само понятие «научное сообщество» (введено М. Поланьи в середине 50-х гг. XX в), рассматривая его не только в системе «горизонтальных», пространственных связей (сосуществующие сообщества), но и в координатах времени как меняющихся друг друга локальных научных сообществ.

Н.Н. Азеева (Чувашский ГУ, Чебоксары)

Участие М.И. Ростовцева в международных исторических конгрессах

Международные конгрессы историков в начале XX века сформировались как одна из важнейших форм международного научного сотрудничества. Российские ученые принимали активное участие в их работе, и решение о проведении в 1918 г. четвертого международного исторического конгресса в Петербурге было лучшим доказательством общеевропейского признания российской науки, ее роли в международном сотрудничестве ученых. Одним из постоянных участников делегаций российских ученых на первых международных съездах историков был Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952).

М.И. Ростовцев практически с первых шагов своей научной деятельности (заграничной стажировки 1893 г.) стремился поддерживать тесные контакты с европейскими коллегами, много путешествовал, сотрудничал с крупнейшими научными учреждениями Европы. Уже в первое десятилетие XX в. он получает признание как крупнейший специалист в области античной истории и классической археологии не только в России, но и за ее пределами. Во многом этому способствовали и его выступления на международных научных форумах (кроме исторических он принимал участие в конгрессах археологов, папирологов, востоковедов).

Все выступления М.И. Ростовцева на конгрессах, как правило, очень высоко оценивались специалистами. Тематика его докладов хорошо отражает широчайший спектр научных изысканий ученого. Так, на берлинском съезде историков 1908 г. его выступление было посвящено генезису римского колоната и представляло собой результат серьезного исследования, основанного на новых эпиграфических данных. Несмотря на то, что в силу обширности имеющегося материала М.И. Ростовцеву пришлось местами ограничиваться лишь констатацией выводов, что, по мнению некоторых участников (в частности, Ю. Кулаковского), не соответствовало формату выступления на конгрессе, этот доклад был встречен с огромным вниманием и получил многочисленные лестные отзывы (как отечественных, так и зарубежных ученых), особо был отмечен «восхитительный образец синтетического использования информации, полученной в результате изучения надписей и папирусов». Апробировав свое исследование на конгрессе, М.И. Ростовцев в дальнейшем продолжил работу над этой темой, которая завершилась созданием в 1910 г. капитального труда «*Studien zur Geschichte des romischen Kolonates*».

Доклады на съезде в Лондоне в 1913 г. «Воронежский серебряный сосуд» и «*Iranism and Ionism in South Russia*» касались развития Юга Руси в античный период и проблем взаимовлияния греческого и варварского миров, которые были достаточно мало изучены и поэтому восприняты с большим интересом. По поводу этих выступлений участник съезда проф. П.П. Митрофанов писал: «После доклада проф. Ростовцева они (англичане) прямо заявили, что все для них так ново и необычно, что они, чувствуя значение его доклада, не решаются даже на возражения».

О признании научных заслуг М.И. Ростовцева свидетельствует и то, что он, как правило, выступал на конгрессах не только с секционным, но и с пленарными докладами, кроме того, на Берлинском конгрессе руководил работой секции античной истории, а на конгрессе в Лондоне 1913 г. организационный комитет избрал Ростовцева вице-президентом этого научного форума. Когда же было принято решение о проведении четвертого международного исторического конгресса в Петербурге, М.И. Ростовцев был избран главой Международного координационного комитета (председателем подготовительного комитета стал академик А.С. Лаппо-Данилевский), позднее М.И. Ростовцев, естественно, вошел и в состав исполнительного комитета по организации «состоявшего под почетным председательством Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича Международного исторического съезда в Санкт-Петербурге в 1918 г.», который не состоялся из-за революционных событий 1917 г.

Результаты работы конгрессов М.И. Ростовцев непременно освещал на страницах российских периодических изданий. В этих статьях, написанных всегда очень живо и увлеченно, М.И. Ростовцев не только всесторонне анализировал работу этих съездов (отмечая как недостатки, так и

несомненные успехи, высказывая свои предложения), но и обращался к более общим вопросам о значении подобных мероприятий. Это было не случайно, т.к. конгрессы были еще достаточно новой формой научного сотрудничества и далеко не все ученые ясно осознавали их пользу, считая нередко их лишь бессмысленной тратой средств.

М.И. Ростовцев всегда выступал горячим сторонником подобных мероприятий. Он выделял три основные цели, которые ставили перед собой подобные форумы: научная – знакомство с новыми разработками коллег, а также дискуссии по тем или иным практическим и теоретическим вопросам; знакомство с той страной и городом, где проходил конгресс; создание условий для личного общения ученых разных стран и разных специальностей, облегчение знакомств, ведущих к обмену мнениями и т.д.: «Увидеть человека часто достаточно, чтобы понять его научное творчество. Обмен мыслей иногда по ничтожному вопросу открывает сразу глубину и плоскость всего научного мирозерцания человека и то, о чем, не видя человека, только гадаешь, становится определенным и понятным. Личное общение, конечно, первооснова всякого конгресса, учесть его силу и влияние не так легко, как научный вес того или иного доклада, как пользу от знакомства со страной, памятниками и музеями». Ростовцев придавал личным контактам со своими коллегами огромное значение, дни работы съездов для него были полны новых встреч и впечатлений. Так, в письме к С.А. Жебелеву по поводу прошедшего в Риме конгресса (1903 г.) он замечает: «на конгрессе делился на части между немцами, русскими и итальянцами...».

Оценивая значение международных форумов, М.И. Ростовцев указывал и на ту большую роль, которую играют подобные международные встречи ученых в деле укрепления интернациональности науки, противопоставляя ее политическому шовинизму. Ученый подчеркивал необходимость осознания того, «как высоко должна держать знамя международной науки. И какие опасности грозят этой международной науке со всех сторон. Конкуренция наций на научной ниве прекрасная вещь, культ родного языка и стремление сделать его мировым – глубоко симпатичная тенденция, но за всем этим нельзя забывать главного, того, что наука, как таковая, не знает языка, не знает нации, а знает только человечество». Подводя итоги работы Берлинского конгресса, Ростовцев отмечал: «не хочется думать, что французы и большинство славян (за исключением русских) не приехали в силу политических соображений и соперничества».

Однако, выступая против национализма и шовинизма, ратуя за «целостность науки», Ростовцев оказался весьма категоричен в своем неприятии марксизма. Будучи участником конгресса в Осло в 1928 г. (как представитель Йельского университета), он дал интервью, в котором достаточно резко высказался в отношении историков-марксистов, составлявших делегацию СССР, и негативно оценил состояние российской науки при советской власти. Председатель конгресса через прессу поспешил от

имени конгресса отмежеваться от «политиканствующего эмигранта», за-
веряя, что высказывания Ростовцева о советских ученых отражают лишь
его собственные взгляды, а не официальную точку зрения конгресса. По-
явление такой явной политической конфронтации среди участников, вку-
пе со стремлением ученых-марксистов превратить конгрессы в арену
противоборства идеологических систем, лишь усиливавшееся со време-
нем, стало существенным отклонением от принципов международного
научного сотрудничества, заложенных на первых конгрессах.

А.Н. Птицын (Ставропольский ГУ)

Российская австро-унгаристика во второй половине XIX – начале XX веков: научные школы и образовательная практика

Несмотря на то, что Габсбургская монархия на протяжении многих
веков играла одну из ведущих ролей в европейской истории, изучение ее
прошлого никогда не являлось приоритетом для российской историче-
ской науки. В дореволюционной России (впрочем, как и сейчас) круг
ученых, специализирующихся на истории этой страны, был весьма узким.
Профессор Варшавского университета К.Я. Грот отмечал в 1914 г., харак-
теризуя сложившуюся в историографии ситуацию, что «русская истори-
ческая литература по всеобщей истории насчитывает ряд больших, само-
стоятельных и даже довольно замечательных трудов и монографий по
истории Германии, Франции, Англии, Италии и проч., но почти не имеет
подобных трудов для Угрии (Венгрии – *А.П.*) и Австрии, ей, однако, не-
сравненно более близких, родственных и, казалось бы, привлекательных»
(Грот К.Я. Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских
исторических изучениях. СПб., 1914. С. 65).

В то же время история Австро-Венгрии привлекала пристальное
внимание отечественных славяноведов, поскольку около половины насе-
ления этого государства составляли западные и южные славяне. Историю
Габсбургской монархии исследовали в России по двум направлениям: во-
первых, как историю великой державы в контексте общеевропейской ис-
тории, и, во-вторых, как «место действия» локальных историй славянских
народов монархии.

Исследовательская работа российских ученых сосредотачивалась,
прежде всего, в университетах. В области австро-унгаристики в рассмат-
риваемый период сформировались три ведущих научных школы – в Пе-
тербургском, Варшавском и Московском университетах. В остальных
российских университетах интересующей нас проблематикой занимались
отдельные ученые.

Прежде всего, следует охарактеризовать научную школу Петербур-
гского университета. Основоположником российского австроведения
можно считать работавшего там П.П. Митрофанова, чьи фундаменталь-

ные труды не потеряли своего значения до настоящего времени. Ученые-слависты этого университета, в свою очередь, много сделали для изучения истории славян Австро-Венгрии (В.И. Ламанский, А.С. Будилович, Н.В. Ястребов, А.Л. Петров и другие).

По мнению современных исследователей, в дореволюционной России славяноведение на наиболее высоком уровне преподавалось в Варшавском университете. Здесь работали И.И. Первольф, К.Я. Грот, В.А. Францев, А.Л. Погодин и другие ученые, которые достаточно много внимания в своей научной и преподавательской деятельности уделяли различным проблемам истории Габсбургской монархии. При этом К.Я. Грот являлся одним из основоположников российской унгаристики.

Следует отметить, что в Варшавском университете была распространена любопытная практика приглашения на преподавательские должности выходцев из Австро-Венгрии, прекрасно владеющих страноведческим материалом. Так, одним из основоположников славяноведческой школы этого университета является И.И. Первольф, чех по национальности, выпускник Пражского университета.

Ученых Московского университета привлекали преимущественно проблемы истории «австрийских» славян. В этой связи следует, в первую очередь, упомянуть М.П. Погодина, О.М. Бодянского, Н.А. Попова, М.Г. Любавского.

Научная деятельность российских ученых была тесно связана с преподавательской. Результаты их изысканий незамедлительно находили свое отражение в лекционных курсах, которые часто издавались. Являясь учебными пособиями, они в то же время концентрировали научные достижения их авторов, поэтому многие из них остаются востребованными до сих пор. Настоящими питомниками научной мысли являлись исследовательские семинары («семинарии»). Опыт проведения таких занятий описан в мемуарах многих дореволюционных ученых, например, П.Н. Милюкова (Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 76). Очень жаль, что в настоящее время такая форма научной работы, как исследовательские семинары, используется крайне редко, поскольку не вписывается в донельзя забюрократизированную систему высшего образования. Формирование и развитие в российских университетах исследовательских школ в области славяноведения и всеобщей истории являлось, во многом, именно результатом активного вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу.

Рассмотрение проблем австро-венгерской истории проходило в русских университетах в рамках различных учебных курсов – базового курса всеобщей истории и учебных курсов по истории славянских народов. Отдельные сюжеты находили свое рассмотрение в рамках других учебных дисциплин (русской истории, славянской филологии и пр.).

Следует отметить, что в изучении и преподавании австро-венгерской истории в российских университетах имелись и определенные

сложности. Поскольку австро-унгаристикой был занят небольшой круг ученых, то и спектр исторических исследований оставался весьма узким: прежде всего, это история славянских народов монархии, а также отдельные сюжеты, связанные с внешней и внутренней политикой этого государства. Трудности вызывало также то обстоятельство, что в учебных планах российских университетов и гимназий для изучения истории Австро-Венгрии отводилось очень мало учебных часов, по сравнению с объемом времени, отводимого на изучение истории других западных держав.

Весьма серьезной проблемой являлось и то, что многие профессиональные историки, прежде всего слависты (как и значительная часть российской элиты в целом), в той или иной степени находились под воздействием славянофильской/панславистской идеологии. Это вело к формированию искаженного образа Австро-Венгрии в российской исторической науке. Только немногие ученые, такие, например, как П.П. Митрофанов, смогли не поддаться господствовавшему в русском обществе настроению и сохранить научную объективность. Несмотря на имевшиеся трудности, дореволюционными учеными был заложен прочный научный фундамент изучения истории Габсбургской монархии и населявших ее народов. Свидетельством его важности является и то, что опыт дореволюционных историков является в настоящее время объектом серьезного изучения.

И.В. Крючков (Ставропольский ГУ)

Интеллектуальное пространство Австрии в последней трети XIX – начале XX вв. и формирование «австрийской экономической школы»

Карл Менгер (1840–1921) принадлежит к блистательной плеяде австрийских ученых-интеллектуалов, которые на многие годы определили вектор развития европейской науки. Австрия во второй половине XIX – начале XX вв., по праву, входила в круг стран, формировавших интеллектуальное пространство Европы. З. Фрейд, К. Менгер, Л. Витгенштейн, Ф. Визер, Е. Бем Баверк, Э. Мах, О. Нейрат – вот далеко не полный список ученых, которых дала имперская Австрия миру в последней трети XIX – начале XX вв. Среди них особое место занимает К. Менгер, основоположник «австрийской экономической школы». К числу его учеников относились Ф. Хайек, Л. Мизес, Й. Шумпетер и др.

К. Менгер известен прежде всего среди экономистов. Однако его имя незаслуженно забыто историками – упоминания о нем не найти практически ни в одном исследовании по теории и методологии истории, историографии всеобщей истории. А ведь в свое время знаменитый «спор о методе» в 80-е гг. XIX в. К. Менгера с немецкой исторической школой и ее лидером Г. Шмоллером расколол все научное сообщество Европы на сторонников К. Менгера и Г. Шмоллера.

К. Менгер жил в уникальный период истории Австрии. До второй половины XIX в. Австрия не влияла на развитие интеллектуальной жизни в Европе. В Вене мало заботились об изучении философии, литературы и других наук. Практически никто не обратил внимание на визиты в Вену Лейбница и Юма. Положение дел меняется с приходом к власти в Австрии либералов и проведением в 60–70-е гг. XIX в. реформ, в том числе отмены цензуры в высшем образовании и либерализации университетской системы. Профессора продолжали оставаться государственными служащими, но правительство практически полностью прекращало вмешательство в учебный процесс, тем более в его содержание. Более того, во второй половине XIX в. в австрийских университетах появляются т.н. «частные доценты», т.е. лица, имеющие ученую степень и не входящие в штаты университетов. Они получили право вести в государственных университетах отдельные дисциплины с согласия правительства.

В Вене частные семинары посещало огромное количество представителей интеллектуальной элиты и бюрократии. Частные семинары были воплощением новых идей, открытым вызовом консервативной науке. На них люди не боялись открыто критиковать традиционное знание и выдвигать свое видение проблемы. Не случайно идеи психоанализа получили распространение не в официальных университетах, а на частных семинарах З. Фрейда.

На рубеже XIX–XX вв. в австрийской интеллектуальной элите происходит смена поколений. На смену старой профессуре приходят новые люди с нестандартным мышлением, новыми идеями. Интеллектуальная элита Вены являлась мощной корпорацией, активно обменивающейся инновациями с обществом и оказывавшей воздействие на деловую и политическую элиту страны. Это во многом предопределило успехи австрийской науки и культуры в эпоху «Fin-de-siècle Vienna». Только в последние годы перед войной наблюдается первые признаки отчуждения интеллигенции и общества. Поэтому К. Менгер во всех отношениях пришелся «ко времени и ко двору».

Австрия после поражения в войне с Пруссией в 1867 г. встала на путь либеральных реформ, а Менгер был одним из ярких сторонников австрийского либерализма. Однако либеральная эпоха в Австрии завершается с «Биржевым крахом» 1873 г., когда общество разочаровывается в либерализме и сваливает именно на либерализм все свои. Это был мощный удар по австрийскому либерализму, от которого он не оправился вплоть до краха Дунайской империи в 1918 г. Многие бывшие сторонники либералов стали искать новые жизненные ориентиры (К. Люгер – христианский социализм и антисемитизм, Т. Герцль – сионизм). К. Менгер не пошел по пути своих бывших коллег, до конца своих дней разделяя либеральную идеологию.

Занимаясь профессиональной и политической деятельностью, К. Менгер не бросил науку, продолжая свои научные изыскания. В ре-

зультате, в 1871 г. он издает труд всей своей жизни «Основы политэкономии» (См.: Менгер К. Основания политической экономии. М., 1992). В 70-е гг. XIX в. эта работа не стала интеллектуальной сенсацией, ее по достоинству оценили значительно позже, уже в XX в., но она заинтересовала молодых венских интеллектуалов. Второе издание «Основ политэкономии» появляется в Австрии только в 1923 г. уже после смерти К. Менгера 27 февраля 1921 г.

Однако это произведение было переиздано в конце XIX – начале XX вв. в большинстве европейских стран, в том числе в России (Одесса, 1903) и оказало огромное влияние на российскую науку. Под влиянием этой и других работ К. Менгера возникло такое оригинальное направление в российской науке, как организационно-производственное направление во главе с А. Чаяновым. Оригинальность подхода К. Менгера в решении сложных политэкономических проблем и его размышления о методе гуманитарных наук заставили Европу заговорить о К. Менгере как о крупном ученом.

Публикация «Основ политэкономии» открыла для К. Менгера путь для карьеры в Венском университете. В 1872 г. он становится приват-доцентом университета, в 1873 г. экстраординарным профессором, а в 1879 г. штатным профессором университета и заведующим кафедрой политэкономии. В университете раскрывается еще одна грань таланта К. Менгера: блестящий преподаватель, он умел самые скучные темы доступно преподать студентам и вызвать у них живой интерес. Добровольная отставка К. Менгера в 1903 г. вызвало большое сожаление среди студенческого сообщества и части коллег университета.

На кафедре политэкономии после ухода остались его ученики во главе с Ф. фон Визером, который занимал несколько раз министерские посты в правительстве Австрии, включая пост последнего министра торговли имперской Австрии в 1917–1918 гг. Другой последователь К. Менгера, Е. Бем Баверк в 1895–1897 гг. и в 1900–1904 гг. занимал пост министра финансов Австрии. Он довольно успешно провел налоговую реформу в стране.

Об авторитете К. Менгера в Австро-Венгрии говорит и тот факт, что с 1876 по 1878 г. он был наставником кронпринца Рудольфа. Либеральные взгляды наставника не могли не отразиться на умонастроениях наследника престола. После поездки К. Менгера и кронпринца в Великобританию в 1878 г. в Мюнхене выходит анонимный памфлет «Австрийский дворянин и его конституционное призвание». В памфлете осуждалась праздность австрийского дворянства, погрязшего в охоте и танцах, и в качестве примера для подражания выдвигалось британское дворянство с его чувством гражданской и социальной ответственности. Авторство Рудольфа и К. Менгера вскрылось только в 1906 г. после трагической смерти Рудольфа и отставки К. Менгера. Именно К. Менгер познакомил Рудольфа со своим другом, известным либеральным журналистом, изда-

телем «Венского еженедельника» М. Шепсом. В течение 6 лет Рудольф и Шепс переписывались, а затем с 1883 по 1885 гг. Рудольф публиковался на страницах «Венского еженедельника» под псевдонимом, где он не скрывал свои либеральных взглядов, критику существовавшие в империи Габсбургов устои. Эти обстоятельства и призывы М. Шепса к установлению дружеских отношений между Австро-Венгрией и Францией приводили к его постоянным конфликтам с цезурой.

В научной и политической карьере К. Менгера проявляется еще одна его страсть – к истории. К. Менгер всегда интересовался историей империи Габсбургов и мировой историей. В своих экономических разработках он постоянно обращался к историческим экскурсам и работам известных историков. К. Менгер оказал существенное влияние на европейскую историографию XIX – начала XX вв. Его «спор о методе» подтолкнул другого известного австрийского ученого Карла Прибрама заняться историческими и терминологическими аспектами изучения проблемы перехода цивилизации от феодализма к капитализму. Находясь под впечатлением дискуссии К. Менгера с Г. Шмоллером, К. Прибрам, использует результаты этого методологического спора в своей концепции, вводя в научный аппарат такие категории как «холизм», «органицизм», «феодализм», «социальное происхождение», «партикуляризм», без которых невозможно представить современные исторические исследования.

В Австрии XIX – начала XX вв. мы видим уникальный пример полидисциплинарности. К. Менгер и подавляющее число его сторонников в Австрии и Германии не видели четкой линии разделяющей предмет исследования истории и экономики, а также этих дисциплин с другими социальными науками. Данные дисциплины объединял общий предмет исследований – человеческое общества, мотивы, законы, определяющие поведение общества и отдельного индивида.

М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков (РГГУ, Москва)

Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: аспекты институционализации

В настоящем сообщении развиваются и конкретизируются некоторые вопросы истории и современного состояния Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института, рассмотренные авторами на конференции РОИИ 2007 г. На этот раз мы сосредоточим внимание на тех институциях, которые обеспечивают ее функционирование, и их соотношения друг с другом.

При размышлении о структуре Научно-педагогической школы и ее составляющих невозможно пользоваться метафорой «фундамент – вершина». Использование этого сравнения приведет нас к крайне неустойчивой конструкции, а именно к пирамиде, стоящей на своей вершине – кон-

цептуальном основании. Гораздо точнее другой образ – концентрические окружности, мы бы даже рискнули сказать – «круги на воде», если бы понятие «воды» применительно к научному творчеству не вызывало ненужных коннотаций. Возможен и другой образ, который, как думается, также может выразить особенности структуры школы, – планетарная модель атома в физике, разработанная Э. Резерфордом. Важно подчеркнуть следующие черты такой модели: крепкое, почти неразрушаемое и «тяжелое» ядро и множественные сферы обращения электронов вокруг ядра, где постепенно ослабевают связи между «внешними» электронами и ядром.

И действительно: в центре эпистемологическая рефлексия, обеспечиваемая немногими интеллектуальными лидерами. На протяжении последних десятилетий таким лидером для Научно-педагогической школы источниковедения, несомненно, являлась О.М. Медушевская, последняя монография которой (Теория и методология когнитивной истории. М., 2008) выводит на новый концептуальный уровень не только эту научно-педагогическую школу, но и всю российскую гуманитаристику.

Базовой институцией, обеспечивающей функционирование Научно-педагогической школы, является кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (система «Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории») – основа профессионального образования гуманитария). Кафедре особенно в последние годы удается обеспечивать единство методологии и системность преподаваемого комплекса дисциплин (вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – теория и методология истории) за счет, во-первых, обоснования парадигмального характера источниковедческой теории в этой системе, во-вторых, за счет выведения на новый, культурологический, уровень вспомогательных исторических дисциплин.

Следующий круг – это выпускники кафедры, под которыми понимаются дипломники, аспиранты, а также соискатели ученой степени кандидата или доктора исторических наук, которых кафедра выпускает на защиту диссертации. На этом уровне уже начинает, до некоторой степени, работать упомянутый в тезисах 2007 г. принцип дополнительности.

Следующий круг институционально обеспечивает журнал «Вестник РГГУ: ежемесячный научный журнал. Серия. «Исторические науки»», credo которого – корректно сочетать максимально широкий и разнообразный состав авторов и представляемых ими позиций с обязательной концептуальной определенностью, обеспечиваемой не отбором авторов со сходными методологическими воззрениями, а публикацией концептуальных материалов, постоянным разделом «Дискуссия», позволяющим прояснить методологические позиции, квалифицированным разделом критики и библиографии и разделом, посвященным проблемам преподавания исторических дисциплин.

И, наконец, самый широкий круг, в котором концептуальное единство просматривается в наименьшей степени, зато в наибольшей работает

принцип дополнительности, – ежегодно проводимые кафедрой с 1989 г. конференции по актуальным проблемам исторического знания и методологии гуманитарного познания с широким представительством различных учебных и научных центров и числом участников свыше 100 человек.

Предложенный ранее образ кругов на воде весьма точен еще и потому, что от брошенной в центр идеи круги расходятся, постепенно затухая. На периферии – на уровне конференционных материалов – мы обнаруживаем не только значительное ослабевание концептуального воздействия, но и определенную, иногда весьма существенную дифракцию.

Научно-педагогическая школа реализует себя в формах, с одной стороны, традиционных для инфраструктуры науки, а с другой – уникальных по своему значению и месту в российской исторической науке. Речь, в первую очередь, идет о кружке источниковедения, созданном С.О. Шмидтом в 1950 г. и проработавшем под его руководством более 50 лет. В советское время – это едва ли не единственное место для совместного научного творчества преподавателей и студентов, в основе которого лежал интерес к источнику, а не идеологические постулаты разного свойства. Затем исследовательский семинар С.М. Каштанова с его нацеленностью на разработку проблем вспомогательных наук истории и точнейшего исследовательского инструментария в сфере дипломатики. Основанный Е.И. Каменцевой, а в настоящее время под руководством Е.В. Пчелова действует семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам, в его работе участвуют специалисты не только России, но и зарубежья. Складывается исследовательский семинар О.И. Хоруженко, в котором систематически разрабатывается источниковедческую проблематику на основе комплексов источников всех типов и готовятся к публикации источники XV–XVIII вв.

Сохранению концептуальной целостности Научно-педагогической школы должно способствовать и изучение ее истории, сохранение и введение / возвращение в научный оборот творческого наследия наиболее видных ее представителей. К этой работе мы приступили не так давно. Практически завершена подготовка научного издания «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского. Труд, задуманный им в составе трех разделов, в дальнейшем перерабатывался и совершенствовался до последних дней жизни ученого (об этом говорят несколько уровней правки гранок издания, которое готовил А.С. Лаппо-Данилевский), но эта работа так и не была завершена автором. В настоящее время подготовлено наиболее полное издание «Методологии истории». Готовится сборник трудов преподавателей кафедры, посвященный ее 70-летию, наступающему в сентябре 2009 г. Том должен состоять из работ, вошедших в классику источниковедения и ставших библиографической редкостью. В планах – подготовка к изданию Избранных трудов сочинений О.М. Медушевской, куда войдут опубликованные работы, определившие проблематику и уро-

вень дисциплин, разрабатываемых кафедрой, и неопубликованные труды, в частности, кандидатская диссертация.

Кафедра продолжает подготовку биобиблиографических указателей трудов профессоров и преподавателей кафедры.

Для сохранения концептуальной определенности Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного необходима не только постоянная рефлексия современного состояния научного знания и сложившихся образовательных стратегий эпохи постпостмодерна, но и исследование актуальных форм массового исторического сознания. В частности, требуют осмысления такие феномены как «фолк»- или «поп»-история, представленная массовой книжной продукцией и ее теле- и киноверсиями (например, фильм «1612», книги Д. Брауна и пр.), коммерческая продукция, пользующаяся массовым спросом и находящаяся за пределами науки («феномен Фоменко» и др.), краеведение, которое (в отличие от новой локальной истории) все больше воплощает «бытовой уровень исторического сознания» (по выражению О.М. Медушевской). Методологически строгое и четкое осмысление подобных феноменов имеет целью проведение границы на уровне «наука – ненаука» и крайне актуально именно в силу широкого распространения этих явлений в современной действительности.

О.М. Мельникова (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Университетская научная школа и профессиональная социализация ученого-археолога

Антропологизация исторических исследований привела к саморефлексии археологического и шире – исторического – сообщества как в историко-научном, так и в социальном плане. Возрос интерес к личности археолога-профессионала, его особенностям и качественным характеристикам. В этом контексте особую актуальность приобретают проблемы профессиональной социализации, следствием которой выступает осознание археологом профессиональной идентичности. В процессе подготовки археологом должны быть получены не только разносторонние знания, но и сформированы компетенции, позволяющие выпускникам вузов быстро включаться в профессиональную деятельность и успешно ее выполнять. Поэтому для формирования новых поколений археологов большое значение приобретают вопросы результативности профессиональной социализации, которая может быть исследована и в историко-научном контексте.

Безусловно, миссия социализации нового поколения археологов лежит на всем сообществе археологов, поскольку оно представляет собой объединение ученых, принадлежащих одной научной дисциплине. Вместе с тем научное сообщество представляет собой не аморфную совокупность ученых. Одним из его значимых элементов выступают научные школы.

Именно они наиболее результативны в плане профессиональной социализации молодых археологов. Члены схоларного сообщества становятся референтной группой, которая оказывает значительное влияние на выбор усваиваемых норм и ценностей археологии. Это связано с тем, что важнейшей функцией научной школы является подготовка молодого поколения исследователей. Ученый – лидер научной школы и его коллеги стремятся сформировать из числа начинающих исследователей (студентов, аспирантов, докторантов) научных, а во многом и мировоззренческих единомышленников.

В процессе генезиса научной школы оформляется особая субкультура как система общих символов, ценностей, норм и образцов поведения, разделяемых археологами. Она тесно связана с содержанием изучаемого археологического источника, решаемой научной проблемой, предлагаемыми путями ее разрешения, а также ролью, которую играют ее представители. В широком смысле профессиональные нормы научной деятельности включают в себя несколько позиций:

1. Стремление учёного к передаче своих результатов коллегам.
2. Восприимчивость к новым идеям, не поддающимся со стороны давления научной моды.
3. Эрудиция и знания всех фактов, относящихся к области работы учёного.
4. Защита новых (но только обоснованных) идей,
5. Публикация материалов исследований в профессиональных изданиях, доклады на научных конференциях.
6. Умение отстаивать свое мнение, опираясь на логику изложения фактов и аргументацию, а не на эмоции; отказываться от гипотез, если науке становятся известны факты, их опровергающие. В рамках научной школы эти нормы приобретают определенную содержательную и личностную окраску.

Обучение в рамках научной школы выступает как средство профессиональной социализации, с помощью которого человек перенимает систему определенных навыков, знаний, опыта, моделей поведения. Но социализация включает в себя и воспитание, и всю совокупность стихийных воздействий, оказывающих влияние на процесс становления неопита и его вхождение в научное сообщество. В рамках научной школы актуально неформальное общение с коллегами, оно формирует не только представления о ценностях профессиональной деятельности, но и знакомит с человеческим аспектом профессиональных отношений. Поэтому следует отметить нравственную миссию научной школы. Чувство общественного долга, подвижническое отношение к своей деятельности, увлеченность работой, преданность идеалам научности – все это наряду с передачей собственного научного инструментария является важнейшим фоном профессиональной социализации археологов. Особую нравственную «нагрузку» несет лидер научной школы и ее интеллектуальное ядро.

Важнейшим каналом социализации молодого археолога является археологическая экспедиция. Отметим, что, в отечественной археологии в 70-е гг. XX в. изменился социальный состав лиц, работающих в экспеди-

циях. Это, уже, как правило, не наемные работники, которые до революции или в довоенные годы составляли основную рабочую силу на раскопках, а студенчество. К тому же устоявшееся положение археологии как учебной дисциплины сделало обязательной археологическую практику. Теперь в экспедиции оказались представители разных субкультур: с одной стороны, студент-практикант, жаждущий знаний, как правило, первокурсник, и даже школьник, с другой – археологи-профессионалы.

Перелопачивая в прямом смысле пыль веков, молодой человек испытывает невиданные прежде эмоции, в ходе раскопок всегда сопровождающие уникальное и неповторимое прикосновение к истории. Эти трудно вербализуемые через формальные термины эмоции с неизбежностью ставят перед ним важнейшие и вечные человеческие вопросы: Кто я такой? Как я могу соизмерить себя с историей? И еще шире – в чем смысл бытия человека? Эти вопросы, безусловно, требуют обсуждения и немедленного осмысления. Но нужен специальный текст для такого осмысления. Им и стал текст песни. Носителем этого текста, как правило, выступает старший коллега, которому можно доверять, а нередко сам лидер научной школы. Для молодых творчески активных людей диалог через песню, несомненно, делает привлекательной и науку. Археология, в значительной мере достаточно скучная в своих текстах наука, поднимается до уровня реальной истории, свидетелями, участниками и творцами которой являются студенты.

Особенности профессиональной социализации археологов как исследователей в рамках научной школы выражается в развитии у студентов готовности к разным видам деятельности, основанной на высокой интенсивности межличностных коммуникаций и групповых формах работы. Это способствует формированию высокой адаптивности к различным формам деятельности, профессиональной мобильности выпускника, способного справляться с различными условиями и жизненными ситуациями. Поэтому неслучайно практически все первые выпускники О.Н. Бадера в Пермском университете получили ученые степени кандидатов и докторов наук, сами стали успешными организаторами науки. Тоже можно сказать и о свердловских учениках В.Ф. Генинга. Об этом свидетельствуют и факты из истории археологической научной школы Удмуртского университета, члены которой защитили кандидатские и докторские диссертации по этой специальности. При этом ряд выпускников получил ученую степень по другим научным дисциплинам.

Современная ситуация в обществе вынуждает искать новые способы адаптации схолярного археологического сообщества к социальным новациям. Неадекватные финансовые ресурсы на развитие полевых исследований и публикацию материалов негативно влияют на приращение источника, его изучение и введение в научный оборот (а именно в специфике источника и подходах к его изучению можно увидеть своеобразие археологических научных школ). Вследствие неадекватности затрат на про-

изводство нового знания и заработной платы особенно начинающих исследователей страдает мотивация кадрового состава. Отсутствие отработанных государственных механизмов социального заказа на подготовку археологов, проблемы трудоустройства затрудняют адаптацию в профессии, что разрушает сложившиеся еще в советское время механизмы в развитии археологических научных школ через научный кружок, археологическую экспедицию, специализацию по археологии.

Их разрушают новые альтернативные формы профессиональной консолидации в виде социальных сетей. С одной стороны, они позволяют весьма активно продуцировать идеи и достижения научной школы, расширять круг ее сторонников и формировать тем самым незримые колледжи. Но проблема состоит в том, что не все археологические школы активно позиционируют себя в виртуальном пространстве. Нередко наибольшую активность в этом направлении играют маргинальные ученые, не сумевшие вписаться в существующие профессиональные субкультуры. Среди них встречаются просто непрофессиональные деятели, лжеученые, квазиученые (каковыми можно назвать многочисленные сайты черных археологов). Их деятельность подвергает угрозам и разрушает профессиональные идентичности.

Очевидно, что научные школы должны осваивать новые ниши не только для пропаганды профессиональных норм в виде научных идей, методов исследования и их результатов, но и для пропаганды этических ценностей археологии.

Е.А. Селунская (Тверский ГУ)

**Истпартаы как центры научно-исследовательской
и идейно-политической консолидации обществоведов в 1920-е гг.
(на примере Тверского истпарта)**

Истпартаы стали одними из важнейших центров исторической науки в СССР в 1920-е гг. В новых исторических условиях, а именно в первые годы после революции 1917 г. и гражданской войны, они были образованы с целью создания истории партии, оказавшейся у власти в результате длительной борьбы и противостояния различных политических сил. Таким образом, в исторической науке появилась почва для развития особого направления – истории революционного движения и истории Коммунистической партии, которое на несколько десятилетий стало одним из приоритетных среди историков.

Истпартаы осуществляли свою деятельность по различным направлениям: собиранию и хранению исторических документов, учету участников революционного движения и членов Коммунистической партии, изданию статей и воспоминаний, подготовке выставок, участию в проведении «революционных» праздников и в агитационно-пропагандистской

работе. Реализация начинаний в рамках этих направлений прочно увязывалась сотрудниками истпарта с содействием со стороны членов РКП(б) и участников революционного движения, а также архивов, музеев, вузов. В частности, на четвертом Всесоюзном совещании заведующих истпартотделами в 1927 г. было официально провозглашено, что для обеспечения успешной работы истпарты должны активнее привлекать к своей деятельности «общественные силы и общественные организации», под которыми подразумевались архивисты, музейные работники, историки-марксисты, вузовская профессура и др. (См.: Правда. 1927. 14 янв.).

Истпарты являются хорошим примером консолидации историков, обществоведов, участников революционного движения с целью изучения истории Коммунистической партии. Этот факт был отмечен еще в советской историографии М.С. Волиным, который показал на примере Истпарта ЦК ВКП(б), что он со своими местными отделениями и органами печати сплотил значительные кадры исследователей. В настоящий момент, когда пристальное внимание ученых обращено к местной истории, интерес представляет изучение опыта сотрудничества губернских истпарта с различными общественными и историческими организациями. Рассмотрим поставленную проблему на примере Тверского истпарта.

Тверской губернский истпарт был создан при Тверском губкоме РКП(б) в 1922 г. Практически сразу в его работе обозначились три направления: формирование документального комплекса по истории революционного движения, издательская деятельность и музейно-выставочная работа, непосредственная реализация которых предполагала сотрудничество с профессиональными историками, журналистами и очевидцами событий. Этому факту есть несколько объяснений. Во-первых, для местных истпарта был характерен относительно небольшой штат сотрудников, которые зачастую физически не могли справиться с огромным объемом работы. Так, например, Тверской истпарт, по данным Истпарта ЦК ВКП(б), относился к третьей категории истпарта со штатом 1–2 человека (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 140. Л. 2), который включал в себя заведующего и технического работника. Иногда штат Тверского истпарта сокращался до 1 сотрудника (заведующего). Вторая причина заключалась в том, что в основном сотрудники истпарта, ведущие по сути исследовательскую работу, не являлись профессиональными историками и вынуждены были привлекать силы со стороны. Третья причина кроется в особенностях становления новой государственной идеологии, а именно в понимании необходимости широкого распространения знаний по истории Коммунистической партии и о достижениях советского строительства среди населения.

Работникам Тверского истпарта на протяжении периода активной деятельности в 1922–1929 гг. оказывали содействие участники революционного движения, сотрудники Тверского губернского архивного бюро (губархива), подотдела по делам музеев, охране памятников старины,

искусства и природы (губмузея), Тверского государственного музея, Тверского педагогического института, а также журналисты и краеведы. Одним из ключевых направлений являлось выявление и изучение источников по истории революционного движения в Тверском крае, поэтому деятельность Тверского истпарт проходила в тесном контакте с работой Тверского губархива. Кроме того, для истпарт важно было установить контроль над его штатом и деятельностью, поскольку в нем были сосредоточены документы Тверского губернского жандармского управления и канцелярии губернатора.

Содействие в выявлении и изучении исторических материалов оказала работа журналиста и участника революционного движения П.К. Александрова (Ветлина), который подготовил очерк по истории рабочего и социал-демократического движения в Тверской губернии, используя материалы губернского жандармского управления за 1880-е – 1905 гг. Материал П.К. Александрова оказался значимым приобретением для Тверского истпарт, так как перед ним была поставлена задача подготовить к публикации очерк истории РСДРП в Тверской губернии и уже была начата соответствующая работа в губархиве.

Большое значение Тверской истпарт придавал сведениям, полученным от представителей интеллигенции. В связи с подготовкой к празднованию 20-летия революции 1905–1907 гг. Тверской истпарт обратился к учителям Тверской губернии с просьбой написать воспоминания и прислать прокламации и фотографии. В Методическом сборнике Тверского губернского отдела народного образования была помещена анкета, состоящая из 17 блоков вопросов с целью дать картину событий накануне и в период революции 1905–1907 гг. в Тверской губернии.

О сотрудничестве Тверского истпарт со «старыми» специалистами свидетельствует факт установления его связи с преподавателями русской истории и студентами Тверского педагогического института. Проблеме собирания исторических материалов было посвящено совещание 22 мая 1925 г. (ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 36. Л. 9-10), в котором принимали участие заведующая Тверским истпарт А.Г. Соловьева, заведующий словесно-историческим отделением пединститута А.Н. Вершинский и профессор В.Н. Бочкарев и И.И. Полосин. Истпарт ЦК РКП(б) одобрил установление связи Тверского истпарт с пединститутом, однако рекомендовал проверять и редактировать «в большевистском духе» все работы профессиональных историков (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 355. Л. 7). Сотрудничество с пединститутом воплощалось и в разного рода студенческих работах: в подготовке дипломных проектов по тематике истпарт, написании очерков по истории революционного движения, составлении описи дел канцелярии тверского губернатора.

Издательская деятельность Тверского истпарт заключалась в публикации на страницах местной периодической печати и юбилейных сборников статей и воспоминаний о революционном движении.

Большую роль в объединении различных общественных сил сыграли вечера воспоминаний и группы содействия Тверскому истпарту, участие в которых помимо непосредственных очевидцев событий принимали музейные работники и журналисты.

Нельзя не отметить работу Тверского истпарта по организации выставок, приуроченных к юбилейным датам революционного движения. В Тверском государственном музее при содействии агитационно-пропагандистского отдела Тверского губкома РКП(б), Тверского истпарта и губархива был организован Отдел революции, в котором были представлены материалы по истории революционного движения.

Таким образом, объединение усилий архивных и музейных учреждений, журналистов, Тверского педагогического института в лице профессорско-преподавательского состава и студентов-историков имело большое значение для истпартовской работы и принесло конкретные результаты. В рамках сотрудничества происходил постоянный обмен опытом работы между Тверским истпартом и центрами исторической науки по выявлению и изданию документов, разработке концепций выставок, оказывалась помощь в проведении исследований со стороны профессиональных историков, что подтверждает характерную для отечественной исторической науки 1920-х гг. особенность – сотрудничество со «старыми» специалистами.

М.А. Мамонтова (Омский ГУ)

**Добровольная организация советской интеллигенции:
политический заказ или инициатива ученых?**

(к вопросу об истоках возникновения Всесоюзного Общества «Знание»)*

Общественно-политическая ситуация после Великой Отечественной войны вновь поставила на повестку дня вопрос о развитии широкой пропагандистской сети. Военное время сплотило советское общество на основе одной единственной идеи – победы над врагом. Послевоенная эйфория сразу же высветила слабые места советской пропаганды, одно из которых – разрушение прежних стереотипов о враждебности капиталистического мира. Подобные процессы в русле резкого «охлаждения» взаимоотношений со странами Запада показывали большой дисбаланс между внутри- и внешнеполитическим климатом. Настроение советского общества клонилось в сторону дружественного общения с капиталистическими странами на волне общности интересов в борьбе против фашизма, в то

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт 02.740.11.0350.

время как советская власть жестко позиционировала противоположность интересов капиталистического и социалистического мира в условиях начинавшейся «холодной войны». Сложившийся дисбаланс заставлял власти снова обратиться к формированию разветвленной пропагандистской сети внутри страны для распространения жестко заданного курса, вновь формируемых стереотипов и клише.

Условия и особенности возникновения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний как раз показывают столкновение этих двух противоположных тенденций. С одной стороны, создание этого Общества рассматривается властью как надежный канал влияния на общественное мнение, формирования «необходимого» для власти настроения масс. Оно вписывается в общее русло складывания разветвленной пропагандистской сети. Действительно, практически сразу после войны активизируется деятельность местных и центральных политшкол и политкружков, в которых ведется изучение основ марксизма-ленинизма, истории партии и др. по «Краткому курсу истории ВКП(б)». Снова устанавливается жесткий контроль за деятельностью кафедр марксизма-ленинизма в высших учебных заведениях, снова возрастает значение общественно-политического знания. Важную роль в руководстве и координации этой пропагандистской сети играет Отдел пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), который курирует деятельность Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Как справедливо замечает А.В. Андреев, данное Общество, зародившись при полном контроле государства, и в дальнейшем являлось мощным «идеологическим инструментом, призванным вовлечь в пропагандистскую деятельность широкие слои образованного населения» (Андреев А.В. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2003. М., 2003. С. 294). Однако, представлять деятельность этого Общества исключительно как «заказ сверху» не совсем правильно, т.к., с другой стороны, определенная часть научного сообщества активно, с нескрываемым энтузиазмом включилось в процесс строительства подобной широкомасштабной организации. По документам фонда Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) просматривается устойчивая тенденция среди советских ученых к интеграции в мировую науку, к обмену опытом с «коллегами по цеху» (целая серия запросов в Агитпроп о разрешении командировок за рубеж с целью участия в работе научных конференций, обществ и организаций). И идея создания подобного Общества возникла отнюдь не случайно.

Предшественником Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний являлось Лекционное бюро, созданное при Комитете по делам Высшей Школы при СНК СССР 31.07.1943 г. Как свидетельствуют документы Лекционного бюро (ГАРФ. Ф. Р-9548), его деятельность явно не устраивала власти своей работой: недостаточный

охват слушателей, небольшое количество лекций и т.д. Да и воспринималось Лекционное бюро как один из элементов партийной сети, ориентированной на просвещение партийных работников (наподобие ВПШ – Высших партийных школ, политшкол и бюро). Руководство партии понимало, что необходимо создать организацию, независимую от власти, формирующуюся на добровольной основе и существующую на самообеспечении, но в то же время распространяющую «правильный» политический курс, «нужные» стереотипы и образы мыслей. Наиболее независимой от власти и в то же время компетентной и высокоуважаемой в народе была интеллигенция: ученый с независимым мышлением воспринимался аудиторией как «компетентный» человек, наиболее правдиво изображающий политические события, как «беспартийный лектор».

Однако, и роль ученых в создании данного Общества велика, особенно в выработке самой идеи. Можно предположить, сто создание Общества в таком варианте было предложено не партчиновниками, как это усматривает А.В. Андреев, а самими учеными. Доказательства нашего предложения можно найти в краткой характеристике Всемирной федерации научных работников за 1948 год (20 октября). Всемирная федерация научных работников возникла в Лондоне в *июле 1946 года (!)* по инициативе Британской ассоциации научных работников, куда вошли представители научных объединений крупных государств: «Англии, США, Канады, Франции, Австралии, Голландии, Южной Африки, Индии, Новой Зеландии, Польши, Чехословакии и Болгарии» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 45. Л. 27). Советский Союз не принял участие в деятельности этой организации, но буквально сразу после этого, в январе 1947 г., был поставлен вопрос о преобразовании Лекционного бюро во Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Схема организации, цель и задачи данного Общества были целиком заимствованы из Всемирной федерации. Однако если для Федерации основная цель состояла в «поднятии благосостояния человечества путем применения и развития науки», где «ученые не могут дальше пассивно и молчаливо соглашаться на злоупотребление наукой», то Всесоюзное общество было нацелено на организацию широкой пропаганды научных и политических знаний от специалиста к народу, «создать условия, при которых таких простых людей, практиков, новаторов дела, появлялось бы в науке возможно больше» (Вступительное слово С.И. Вавилова на открытии учредительного собрания // Учредительное собрание Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. 7–10 июля 1947 года. Сб. основных материалов. М., 1947. С. 8-9).

Итак, зафиксированная в цели Всесоюзного общества идея была не нова и принадлежала мировому научному сообществу, опасавшемуся разрушительных последствий своих изобретений. Но в Советском Союзе лозунг «распространения знаний» имел другое содержательное наполнение, связанное скорее с «правильным» толкованием происходящих в ми-

ре событий и научных открытий в духе изоляционизма, чем ознакомление с последними достижениями ученых. В духе идеологических кампаний, развернувшихся в СССР с 1946 г., данная организация воспринималась советскими учеными, руководством партии, да и обществом в целом как альтернатива Всемирной федерации научных работников.

Идея возникновения подобной всемирной организации обсуждалась еще с июня 1945 г. Тогда во время работы юбилейной сессии АН СССР английским делегатом Вустером перед членами ЦК союза работников высшей школы и научных учреждений был поставлен вопрос об организации международного союза, где СССР должен был сыграть ведущую роль. И советские ученые создание Всесоюзного общества воспринимали именно как альтернативу Всемирной федерации научных работников, которая занимается распространением научных знаний среди советского общества, а не как политическую организацию с жестко определенным курсом и четкими задачами. Такая двойственность и определила характер работы этого Общества в годы его становления: ученые искренне верили в свою исключительную миссию в деле распространения научных знаний, а власть надеялась на действенность этого идеологического инструмента. Об искренности ученых в деятельности этого Общества свидетельствуют и протоколы заседания Правления Всесоюзного общества (ГАРФ. Ф. 9537. Оп. 1. Д. 47-48).

Таким образом, возникновение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний связано с несколькими тенденциями процессами, развивающимися в послевоенном советском обществе. С одной стороны, это определенный политический заказ властей на расширение пропагандистской сети в рамках формирующейся политики изоляционизма и борьбы против космополитизма в условиях начала «холодной войны», с другой стороны, это, действительно, потребность научного сообщества в создании подобной организации ради предотвращения очередной военной угрозы человечеству. Причем последняя тенденция разрушала изоляционизм страны, вовлекая ученых в мировые процессы, что, естественно, противоречило задачам руководства страны, поэтому в качестве альтернативы ученые Советского Союза создают в отличие от Всемирной федерации научных работников свою организацию – Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, которая занимается теми же задачами, но применительно к советской специфике. И советская интеллигенция в этом начинании сыграла отнюдь не простую роль исполнителя воли руководства партии или политического заказа государства, она подала идею оформления пропагандистской сети не в виде партшкол или сети вузов, а в виде добровольной общественной организации ученых и с неподдельным интересом включилась в дело формирования этой организации, нацеленной на распространение именно научных знаний среди советского народа.

**Институт истории Академии наук СССР:
рецепция партийных постановлений и выработка
исследовательских стратегий***

Исследование рецепции советскими историками транслируемой в первое послевоенное десятилетие модели «сталинской науки» (как науки партийной, плановой, нацеленной на практику, народной, коллективной, с материалистической основой) предполагает прояснение вопроса, каким образом артикулируемые сверху черты образа находили выражение на практике, как задаваемый образ реализовывался в пространстве поля советской исторической науки, институциональным сердцем которой выступал Институт истории Академии Наук СССР. Решение этой непростой задачи возможно в нескольких направлениях. Одно из них может быть связано с раскрытием рецепции через обращение к индивидуальным практикам советских историков, через анализ их авторских текстов. Это могут быть как исследовательские работы, преимущественно историографического и методологического характера, так и воспоминания и мемуары историков, тексты, в которых ученые задаются вопросами рефлексии по поводу своей науки, своего труда и собственного места в общем процессе историознания. Возможен и иной путь – обращение к различным институтам науки, переводящим «указания» власти с «языка официоза» на «язык профессии». В качестве одной из таких институций выступал Институт истории АН СССР.

Стенограммы заседаний Института, проходящих в атмосфере разворачивающихся идеологических кампаний (философская дискуссия, сессия ВАСХНИЛа, борьба с космополитизмом, дискуссии по вопросам языкознания и экономическим проблемам социализма и др.), дают материал для размышлений о деформации в первое послевоенное десятилетие научного поля исторической науки и о факторах ее провоцирующих. Обращение к этому материалу представляет интерес, как в содержательном плане, так и в плане характеристики складывающихся коммуникативных практик советских историков (в данном случае речь идет, прежде всего, о статусных историках), пестрящих своей палитрой. Одна из них – уже укоренившаяся процедура-ритуал – сигнал в партийной печати (в виде постановления или критической статьи), затем обсуждение поступившей критики, предполагающее процедуру признания отмеченных ошибок/недостатков/пороков и раскаяния в них, и после очерчивание шагов (возможно в форме резолюции) по их преодолению. В таком механизме

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

специфика поля науки («в науке сборы долги») зачастую игнорировалась, и ее автономное поле трагически сужалось.

Так, в ситуации объявленной борьбы за приоритеты во всех областях науки при актуализации вопросов ее развития наблюдается изменение в определении предмета и задач исторической науки. Бросается в глаза линия на сужение, по сравнению с общими курсами отечественной историографии Н.Л. Рубинштейна и всеобщей О.Л. Вайнштейна, в понимании предмета историографии. Для исследовательской деятельности историков на первый план выдвигались темы, имеющие не только научное, но и политическое значение. Пытаясь переосмыслить соотношение научности и политической актуальности, историки пришли к заключению, согласно которому «если в прошлые времена принципиальность была политическая, то сейчас разницы между этим нет и принципиальность политическая есть вместе с тем и принципиальность научная» (Стенограмма заседания Ученого совета по обсуждению доклада С.Д. Сказкина «О патриотическом долге советского ученого» // Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 175. Л. 38). Трудно сказать, являлась ли подобная позиция внутренним убеждением докладчиков, или она носила некий конвенционный характер.

Бесспорно и то, что посредством критических проработок в ходе дискуссий второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. задавался образец, которому «следовало» соответствовать и которого «следовало» придерживаться. Формулировались не только общие принципы функционирования советской исторической науки, но и ее исследовательское поле с приоритетными для него темами и возможными путями их разработок. Первостепенным признавалось изучение истории советского периода. Актуализировалась «новая» историческая проблематика – влияние русской историографии на мировую науку. Однако теперь ставилась задача показать превосходство российской исторической науки, принципиальную разницу между марксистской наукой и наукой буржуазной, тот «переворот» в исторической науке, который был произведен классиками марксизма-ленинизма, представляемый именно как «поворот», «рубезж», «скачок» в развитии советской исторической науки. Проблема преемственности и разрывов в интеллектуальной истории исчезла с горизонтов исследования, как и проблема взаимовлияния различных национальных интеллектуальных культур.

В то же время следует подчеркнуть, что на заседаниях вместе с обозначением проблематики дальнейшего изучения истории исторической науки и обсуждением ряда организационных вопросов как обязательное отмечалось (что важно) следование принципам историографического анализа, что свидетельствует о сохранении профессионального канона.

В изменяющейся в контексте 1940–50-х гг. «государственной историографии» находила свое отражение и патриотическая политико-идеологическая линия военных лет, приобретая новые оттенки в русле послевоенных кампаний по борьбе с проявлениями низкопоклонства пе-

ред Западом. Подход к событиям отечественной и всеобщей истории с позиций советского патриотизма связывался с представлениями о превосходстве всего «советского»/«социалистического» над «западным»/«капиталистическим», с превознесением достижений русского народа в прошлом, настоящем и, естественно, будущем. Идея превосходства советского ученого изменяла традиционные коммуникативные практики, когда «недопустимыми предрассудками» объявлялись публикации работ историков в иностранных журналах.

В ходе заседаний очерчивалось поле не только для строго научной деятельности. Разворачивающаяся в масштабах всей страны кампания по борьбе с космополитизмом захватывала и научное сообщество историков. Понятие «космополитизм» переносилось на уровень научной повседневности и растворялось в ней, становясь своеобразным орудием борьбы внутри корпорации историков. Речь шла не о трактовке научного термина «космополитизм», а скорее о навязывании определенного стиля жизни, поведенческих стратегий, пронизанных борьбой. И тем самым создавалась атмосфера, когда научная повседневность пропитывалась склокой и недоверием, когда по аналогии с политическими партийными кампаниями происходил поиск враждебных групп внутри научного сообщества и круг ученых, входивших в них, расширялся по инициативе снизу.

«Вскрытие» на заседаниях разного рода отступлений / вывихов / пороков производили сами сотрудники Института. Для всех выступлений была характерна однотипная архитектура их построения: констатация основных положений критики, затем обращение к постановлениям ЦК ВКП(б), как руководству к действию (эти два положения на практике могли меняться местами) и после – обращение к собственно историческим работам или работе отдельных секторов. Во время обсуждений нередко апеллировали к авторитету классиков марксизма-ленинизма и лидеров партии, что было симптоматично для обозначенного периода и отражало сложившиеся ритуалы в научном дискурсе.

Стенограммы заседаний наглядно прорисовывают характерную для рассматриваемого времени ситуацию, когда «покаяние» выступало одной из моделей поведения. Общим для всех было признание в собственной «утере бдительности» и оправдательный момент в свою сторону, варьировалась только форма признательного покаяния. Различие в модели поведения заключалось в том, что одни признавали («верными» / «справедливыми» / «обоснованными») все поставленные им в вину ошибки, другие лишь частично, третьи тут же переводили «острие критики» на своего обвинителя. Язык выступлений историков на проходивших в рамках «проработочных» кампаний 1940–1950-х гг. заседаниях в общем коррелировался с языком партийных постановлений.

Необходимая социализация историка-профессионала во все времена влечет за собой тот факт, что определенным правилам игры историк вынужден подчиняться всегда. В то же время, не следует думать, что мар-

ксистская фразеология была сплошь лишь условностью, необходимым и неизбежным словесным ритуалом. Были историки, для которых марксистская схема составляла, что называется плоть и кровь их мышления, кто в своих работах осознанно использовал возможности марксизма как методологии. Кроме того, исходя из озвученных в ходе заседаний замечаний в адрес Ученого совета и дирекции Института истории в отсутствие инициативы с их стороны, в результате чего все обсуждения были санкционированы партийной периодической печатью, можно констатировать тот факт, что советские историки избегали (насколько это было возможно) критики своих коллег по цеху. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в научном сообществе историков были достаточно сильны внутринаучные ценности, а не социальный заказ на ту или иную санкционированную сверху идеологическую кампанию.

В.В. Дементьева (Ярославский ГУ)

Научно-образовательный Центр антиковедения как форма профессиональной консолидации гуманитариев

Научно-образовательные центры по самым разным областям знаний стали в последнее пятилетие организационной формой объединения научных коллективов, созданных как для решения исследовательских задач, так и для модернизации учебного процесса. Такие центры отвечают потребностям инновационного развития университетов России, они создаются в целях более активного внедрения научных достижений в образовательный цикл вузовского и послевузовского обучения. Практика показывает, что научно-образовательные центры чаще организуются в области точных (естественных) наук, соответствующие центры гуманитарного профиля создаются гораздо реже. Так, например, в 2006 г. в ЯрГУ были созданы научно-образовательные центры: «Нелинейная динамика», Центр нанотехнологий, Центр инновационного программирования, Центр антиковедения. Как видим, преобладают физико-математические науки, гуманитарные представлены достаточно редким для российских вузов центром, организованным с целью внедрения инновационных образовательных программ и проведения фундаментальных и прикладных исследований в области античной истории, классической археологии, римского права, античной философии и культуры, классической филологии и других антиковедческих дисциплин.

Научно-образовательный Центр антиковедения призван служить консолидирующим органом университетских гуманитариев разного профиля, объединенных тем, что объектом их научных интересов являются те или иные стороны греко-римской цивилизации и ее культурно-историческое наследие. Ядро специалистов, принимающих активное участие в работе Центра, составляют историки. Практика работы нашего

Центра показала, что установлены гораздо более тесные, чем ранее, связи историков и филологов. В меньшей степени тяготеют к совместной работе с историками юристы и философы нашего университета.

Центр антиковедения ЯрГУ стремится играть и посильную консолидирующую роль в рамках сообщества российских антиковедов. Специфика современной ситуации развития отечественного антиковедения состоит в том, что по существу прекратила свою деятельность Ассоциация антиковедов (перестали проводиться даже традиционные июньские конференции Ассоциации), прежние формы налаживания связей в нашей корпорации пришли в упадок. Лакуны и бреши в научном сообществе влекут за собой забвение корпоративных ценностей, корпоративной чести, духа сотрудничества, взаимной поддержки и уважения к труду соотечественников по ремеслу. Стираются грани между критикой и злопыхательством, критерии объективной оценки сделанного коллегами, которые вырабатываются именно консолидированным научным сообществом.

К счастью, на смену старым постепенно стали приходиться новые формы объединения, такие, как организация совместных продолжающихся изданий (самым наглядным примером может служить ANTIQVITAS AETERNA, созданный совместно КГУ, СГУ и ННГУ). Представляется, что такими «центрами притяжения» специалистов могут и должны служить профильные научно-образовательные Центры.

Наш Центр прилагает усилия к тому, чтобы устанавливать связи в следующих направлениях:

- между античниками нашей страны,
- между антиковедами России и других стран,
- между антиковедами и специалистами по другим историческим эпохам (в первую очередь, медиевистами).

В рамках развития контактов по этим направлениям Центр антиковедения ЯрГУ провел следующие научные мероприятия:

В декабре 2006 г. совместно с ИВИ РАН (Центр по интеграции вузовской и академической науки) был проведен семинар «Античный полис: проблемы изучения и методики преподавания». В нем приняли участие 53 специалиста из 23 научных учреждений (университетов и академических институтов) России, Латвии и Украины. Работа семинара включала в себя доклады и сообщения, круглые столы с обсуждением ключевых вопросов. В апреле 2007 г. Центр антиковедения организовал при поддержке университета г. Бремена (Германия) и провел в ЯрГУ российско-германскую научную конференцию «Народ и демократия в древности», проблематика которой была обращена к античным истокам формирования современных европейских политических парадигм. Участие в конференции приняли 13 немецких и 13 российских специалистов. В мае 2009 г. совместно с ИВИ РАН (Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени) была проведена международная научная конференция «Город в Античности и Средневе-

ковье: общеевропейский контекст». В ней приняло участие 103 человека, из них 78 специалистов (антиковедов и медиевистов) сделали доклады на заседаниях конференции, 25 представили письменные доклады. Участники конференции прибыли из 5 стран.

Профессиональная коммуникация в современных условиях информационного общества во многом связана с формированием системы накопления и обмена специальной информацией, необходимой для научных исследований и преподавания. Наличие профильного Центра позволяет создавать базы данных для антиковедческих штудий – источников и исследовательской литературы. Поскольку наш Центр оборудован компьютерной техникой, это дает возможность накапливать информационные ресурсы. Сейчас установлен программный продукт DSpace, который позволяет каталогизировать имеющуюся информацию. Насущной задачей является создание собственной странички в Интернете, что будет способствовать налаженному информационному обмену с коллегами.

В целом, наличие научно-образовательного Центра по такой комплексной отрасли гуманитарного знания как антиковедение создает дополнительные возможности междисциплинарных связей, многоканальной профессиональной коммуникации, что неизбежно должно консолидировать сообщество исследователей-гуманитариев.

Д.Б. Вершинина (Пермский ГУ)

Научное сообщество гендерологов: проблемы и перспективы развития

Начало XXI столетия вошло в историю гуманитарного сообщества как время бурного расцвета гендерных исследований. С ростом интереса исследователей к проблемам женского движения, участия женщин в политической, культурной жизни тех или иных стран, в том числе и России, наметился и ряд серьезных проблем, от преодоления которых зависят перспективы всего направления гендерных штудий.

На Западе гендерный подход явился достаточно органичным и закономерным развитием женских исследований, внедрение которых в гуманитарные науки, в свою очередь, стало возможным только с возрождением феминизма второй волны в конце 1960-х гг. Возникшее в рамках женского движения стремление придать феминистскому сознанию теоретическую направленность привело к тому, что во многих западных университетах повсеместно возникли центры «женских исследований» (Women's Studies). Эти исследования были направлены на «возвращение» женщин в историю и другие гуманитарные и социальные науки.

«Академизация» феминизма не только привела к внедрению курсов по женским исследованиям; она, как пишет С.Г. Айвазова, «в принципе изменила общественные представления о содержании демократии, заста-

вила увидеть многогранность, многоликость, “пестроту” социального пространства...» (Айвазова С.Г. К истории феминизма // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 166).

В то же время ярко выраженный «феминистский акцент» стал причиной определенного изоляционизма нового направления. Как отмечала американская феминистка Тереза де Лауретис, «Women's Studies жестко идентифицировались с феминизмом и вскоре стали выглядеть как своего рода “гетто”... появился дух идеологической и интеллектуальной замкнутости» (Де Лауретис Т. *Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования*. Ч. 2. Харьков, 2001. С. 35). Однако феминистки стремились не только противопоставить себя классическим наукам, но и привлечь как можно больше сторонников; поэтому выход был найден в кардинальном смещении акцентов от женских исследований к исследованиям гендерным (Gender Studies), которые изучали уже не просто женщин, а отношения между полами и давали многим исследователям возможность уйти от радикального феминистского дискурса.

Одним из важнейших признаков новой концепции явилась ее нейтральность, поскольку допускались не только женские, но и мужские исследования, а объектом изучения становились не два пола, изолированные друг от друга, а «акцентация взаимной соотнесенности и взаимопределенности понятий «мужского и женского» (Репина Л.П. *Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия*. М., 2002. С. 15). Американская исследовательница Джоан Скотт отмечала в связи с этим: «те, кто боялись, что женские исследования сосредотачиваются слишком узко или отдельно на женщинах, использовали термин гендер для введения относительности (relational notion) в наш аналитический словарь. Согласно этому взгляду, женщины и мужчины определяются в терминах друг друга, понимание ни тех, ни других не может быть достигнуто отдельным изучением» (Скотт Дж. *Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования*. Ч. 2. С. 406). Ключевой категорией анализа, таким образом, становилось понятие «гендер», введение которого в научный оборот ставило задачу отхода от биологического детерминизма в объяснении всех социокультурных различий, связанных с полом.

Если в западных странах появление женских исследований произошло в конце 1960-х гг., а становление гендерного подхода относилось уже к началу 1980-х гг., то в отечественной науке вплоть до рубежа 1980–1990-х гг. не шло речи ни о женских, ни о гендерных штудиях. С началом перестройки, с допущением плюрализма научных направлений стало возможным восстановление в статусе актуального и нерешенного «женского вопроса», за чем последовала постепенная институционализация женской проблематики в гуманитарном научном знании. Однако более позднее развитие подобных тематик в отечественной науке привело к тому, что российские исследователи (чаще исследовательницы) с самого

начала стали воспринимать гендерную теорию в качестве методологической базы своей научной деятельности. В результате проблема, которая на Западе стояла достаточно остро, но относительно быстро была преодолена, в России до сих пор является главным дискуссионным вопросом всего нового направления. Этот вопрос формулируется следующим образом: возможно ли быть гендерологом, не разделяя феминистских идей?

Действительно, сами феминистки отнюдь не однозначно оценивают переход от женских исследований к гендерным. Многие считают, что это скрытая диверсия противников феминизма; другие полагают, что следует говорить о естественном развитии науки, которое привело к появлению гендерных исследований. По мнению Н.Л. Пушкаревой, нельзя не признать, что «в итоге “перемены вывесок” число исследователей женской и гендерной темы выросло. В нашу науку, к нашему направлению оказались привлечены те, кто ранее о феминизме не помышлял и за тему по женской истории ранее ни за что не взялся бы, в том числе и мужчины-исследователи. Так или иначе, через них – как через медиаторов – мы можем теперь транслировать, доносить какие-то свои идеи до тех, кто ранее бы с презрением отказался даже слушать что-то об “этих истеричных бабах, которые все время рвутся к власти”» (Пушкарева Н.Л. Семинар по курсу «Женские и гендерные исследования в истории: методология и методика» // http://kcg.org.ua/RUSSIAN/seminar_pushkareva.html).

Оптимистичный взгляд Н.Л. Пушкаревой, казалось, позволяет делать вывод о неизбежности кооперации и сотрудничества отечественных гендерологов, однако приходится признать, что если в западной гендерологии вполне устоявшейся является тесная связь занятий гендерной проблематикой с личной феминистской позицией автора, то в России до сих пор немало исследователей сознательно отмежевываются от ценностей феминизма, а значит, от гендерной теории в целом. В качестве примера можно привести межвузовский сборник «Гендерная история: pro et contra», один из авторов которого пишет о том, что «на данной стадии, учитывая спонтанный характер утверждения в реальной практике вновь возникающих научных дисциплин и направлений, более важным представляется не легализация “гендерной истории”, а недопущение ее излишней экспансии» (Носков В.В. История и «гендерная история» // Гендерная история: pro et contra. СПб., 2000. С. 43).

Представляется, что российская гендерология все же должна постепенно прийти к тому же выводу, что и западная, и неизбежно соотнести гендерную теорию с феминистскими ценностями и принципами, ведь гендер так или иначе оказывается системой, которая переводит различия между женщинами и мужчинами в отношения власти и подчинения. Соответственно именно на основе феминистской идеологии и возможна консолидация научного сообщества гендерологов.

Большаковские Чтения как центр консолидации специалистов по истории культуры Южно-Уральского региона в начале XXI века

Леонид Наумович Большаков (1924–2004) – известный писатель, литературовед, краевед, Почетный гражданин города Оренбурга. За свою творческую жизнь Л.Н. Большаков сумел познакомить читателей со многими неизвестными страницами в истории литературы Урала, «открыть» и незнакомые ранее имена, и неизвестные произведения. Новыми материалами обогатилась наука о Л. Толстом, были дополнены страницы биографий А. Фадеева, Н. Островского, М. Джалиля... Благодаря исследовательской деятельности Л.Н. Большакова Южный Урал стал одним из крупных центров шевченковедения. О судьбе Т. Шевченко Леонид Наумович написал более 20 книг, среди которых – трехтомная «Быль о Тарасе», подробный комментарий Дневника Шевченко периода его оренбургской ссылки. Ни одно имя, инициалы, географическое название, упомянутое на страницах Дневника, не выпали из поля зрения исследователя, не остались без пояснения. Деятельность мыслителя в этой области была удостоена Государственной премии Украины. К числу «новых слов», сказанных в науке Л.Н. Большаковым, можно также отнести региональные литературные энциклопедии – Оренбургскую Шевченковскую, Оренбургскую Пушкинскую и Оренбургскую Толстовскую энциклопедии. Л.Н. Большаков фундаментально исследовал историю Оренбургского тайного общества, создав триптих об «оренбургских декабристах».

Большаковские чтения были впервые проведены в марте 2005 г., через полгода после кончины Л.Н. Большакова. Инициатором их проведения стал Оренбургский государственный университет, в структуре которого в течение 10 лет действовал Научно-исследовательский институт Тараса Шевченко, возглавляемый Леонидом Наумовичем. **Первые Большаковские Чтения** прошли в значительной степени экспромтом и носили мемориальный характер. Но уже тогда идея проведения Большаковских Чтений имела положительный резонанс, о чем свидетельствуют отклики известных столичных и региональных ученых. К Первым чтениям издательство ОГУ выпустило полный библиографический указатель трудов Леонида Наумовича, который как нельзя лучше свидетельствовал не только о колоссальном научном наследии, но и о многообразии интересов исследователя. Поэтому основной концепцией Большаковских чтений сразу же стала междисциплинарность. Было принято Положение о Большаковских Чтениях как регулярной региональной научно-практической конференции по проблематике «Культура Оренбургского края: история и современность». В Положении указывалось, что «основной задачей и концепцией Большаковских Чтений является создание площадки для объединения усилий ученых различных специальностей

(культурологов, историков, филологов, искусствоведов и др.) в деле изучения культуры Оренбургского края во всем ее многообразии». Тогда же было решено проводить последующие Большаковские Чтения в марте, приурочив их к празднику «Шевченковский март» (большого культурного события в жизни Оренбурга и всего Оренбургского края), главным идейным вдохновителем и организатором которого был Леонид Наумович.

Вторые Большаковские чтения прошли в марте 2006 г. уже под эгидой Администрации города Оренбурга. Это уже была полноценная региональная научно-практическая конференция, в которой прослеживалась четкая тематическая направленность: мемориальный отдел; культура повседневности и культурный облик оренбуржца; этносы и конфессии в культуре Оренбургского края; образовательные традиции Оренбуржья; книжное дело и библиофильство; художественная культура Оренбургского края; человек в пространстве региональной культуры. Эти темы стали традиционными и для последующих Большаковских Чтений. Доклады на Чтения представили 38 авторов – от студентов до докторов наук (6 докторов и 15 кандидатов наук). Оргкомитет конференции провел большую работу по привлечению к работе Чтений иногородних участников – Москва, Петербург, Астрахань, Уфа, Краснодарский край. И такой подход также стал традиционной чертой Чтений. В ходе Чтений выступали творческие коллективы, звучали украинские народные песни, декламация стихотворений Т.Г. Шевченко, что, несомненно, украсило научный форум и стало еще одной традицией.

Третьи Большаковские чтения были проведены в марте 2007 г. В них были сохранены основные традиции, однако удалось добиться усиления авторского коллектива: 10 докторов, 17 кандидатов наук, заслуженные деятели науки и культуры, и конечно практические работники культуры (в первую очередь, библиотекари). Организаторы отказались от практики широкого привлечения к работе Чтений студентов и аспирантов, сделав ставку на сложившихся исследователей. Новыми моментами, способствовавшими дальнейшему росту авторитета Чтений стали: пристальное внимание участников к теоретическим основам изучения культуры Оренбургского края (выступления чл.-корр. РАН А.А. Чибилева, профессоров М.Н. Ефименко, Н.А. Каргапольцевой, Г.Г. Коломица, Ю.Ш. Стрелец, Т.А. Камсковой и др.); Чтения обрели свой дом в Центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова, в которой сложилась атмосфера теплоты и радушия; было принято решение проводить Чтения регулярно один раз в два года.

Четвертые Большаковские чтения прошли, как и планировалось, в марте 2009 г. и были приурочены сразу к трем знаменательным датам: 265-летию образования Оренбургской губернии, 195-летию со дня рождения Тараса Шевченко и 85-летию со дня рождения Л. Большакова. В изданном альманахе Чтений среди авторов 45 статей 11 докторов и 24 кандидата наук. На его страницах представлены результаты исследований

коллег из всех основных вузов Оренбуржья; впервые к обсуждению проблем культурного строительства Оренбуржья активно подключились, помимо работников библиотек, работники архивной отрасли. Приезд и выступления на пленарном заседании Чтений крупных литературоведов, профессоров А.А. и В.Н. Галич (Луганск, Украина) вызвали широкий резонанс у оренбургской общественности, отклики в прессе.

Большаковские чтения стали городской традицией, имиджевым мероприятием для Оренбурга. Можно констатировать и то, что Чтения и сборники материалов, вышедшие на их основе, привлекли внимание российской научной общественности. Принято решение, что на базе Большаковских (Оренбург), Бирюковских (Челябинск) и Краеведческих (Москва) чтений, при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Союза краеведов России, один раз в пять лет проводить Объединенные краеведческие чтения – своеобразный «смотр» краеведческого потенциала новой России. Включенность Большаковских чтений в этот процесс является показателем прочного положения, которое они занимают в ряду других региональных форумов аналогичной направленности.

Таким образом, Большаковские чтения за короткое, но весьма продуктивное время своего существования, опираясь на авторитет ушедшего из жизни мыслителя и сложившуюся инициативную группу специалистов, смогли стать своеобразным центром внутри- и межрегиональной консолидации специалистов по истории и современному состоянию культуры Южно-Уральского региона.

О.В. Золотарев (Коми пединститут, Сыктывкар)

Общество изучения Коми края

После окончания гражданской войны значительная часть интеллигенции была настроена на сотрудничество с новой властью и содействовала ей в возрождении страны. Данным переменам способствовало то, что руководство большевистской партии пыталось сдерживать стремление к диктату в сфере научного и творческого труда. Это обстоятельство в определенной степени развязывало инициативу интеллигенции. В сфере исторической науки это, в частности, выразилось в бурном росте интереса к краеведению. В немалой степени данный интерес поддерживался и благодаря неординарной личности лидера краеведческого движения В.И. Гревса.

В Коми крае эти инициативы ученых совпали с процессом образования Зырянской автономии в августе 1921 г., что значительно усилило интерес общества к национальной истории и культуре. Данное стечение обстоятельств не просто создавало весьма благоприятные условия для развития краеведения, перехода от краеведческих к подлинно научным

исследованиям, но и способствовало созданию коми национальной интеллигенции, ядром формирования которой стало Общество изучения Коми края.

Еще в октябре 1921 г. группой усть-сысольских интеллигентов было организовано собрание, участники которого приняли решение – учредить Общество изучения Коми края. Однако организационные трудности не позволили Обществу начать свою работу. Более успешной была вторая попытка – в мае 1922 г. Общество изучения Коми края (ОИКК), согласно принятому в 1923 г. Уставу, состояло из двух отделов: историко-этнографического (в нем выделились секции: историческая, этнографическая, литературных работников и лингвистики) и экономического. В планах была организация научных командировок и экспедиций, лабораторий, экскурсий, выставок, публикация краеведческих трудов, подготовка докладов, создание научной библиотеки. На первых порах Общество возглавлял профессор А.Н. Грен. Благодаря поддержке краеведов со стороны областного руководства и активной работе самого ОИКК происходит быстрый рост популярности краеведческого движения, растут его ряды. Открываются отделения (кружки) краеведов во многих селах автономии (Айкино, Ижма и др.), к движению присоединяются землячества коми студентов в вузах Москвы, Ленинграда, Перми, Вятки. К концу 1920-х гг. Общество объединяло уже свыше 500 человек. В рядах ОИКК были как краеведы-любители (А.А. Чеусов, А.М. Мартюшев и др.), так и ученые-профессионалы (А.С. Сидоров, В.И. Лыткин и др.) и общественные деятели (Я.Ф. Потапов и др.).

Для координации работы ученых-краеведов ОИКК в 1925 г. проводит Коми областную краеведческую конференцию, в 1929 г. – лингвистическую конференцию.

Главной сферой деятельности ОИКК были, конечно, научные изыскания. В течение нескольких лет Общество изучало изменения в общественной и экономической жизни края, природные ресурсы земли Коми, содержало на свои средства краеведческий музей, вело метеорологические наблюдения. Активно работали над лингвистическими исследованиями. Члены ОИКК инициировали бурные дискуссии о коми алфавите, литературных нормах коми языка и иным проблемам в местной печати, на проводимых научных конференциях. Тон в них задавали В.И. Лыткин, А.Н. Грен, В.А. Молодцов. Действовала и Комиссия по собиранию словаря коми языка. Первые опыты делало в автономии литературоведение. Было начато научное изучение наследия основателя коми литературы И.А. Куратова, подготовлено к печати собрание сочинений известного коми ученого К.Ф. Жакова.

Весьма многосторонней была и историко-краеведческая деятельность Общества. Особое внимание уделялось членами ОИКК проблемам, связанным с расселением народа коми, вхождением территории Зырянского края в состав Русского государства. Подобный интерес был легко

объясним в период становления Коми государственности, определения границ автономии. Не обошлось и без перегибов. В журнале «Коми му», издаваемым при участии ОИКК, в 1927–28 гг. был опубликован ряд статей И. Мошегова, в которых была сделана попытка возродить миф о древнем могущественном государстве Биармия, до прихода русских якобы объединявшем северные народы, шла речь о «древнем величии и культуре народа коми».

Рассматривались и иные вопросы, связанные с историей Коми земли: деятельность Сереговского и Кажимского заводов, строительство Северо-Екатерининского канала, положение коми крестьянства и т.д. Немалое внимание краеведами было уделено поиску новых источников по истории Коми края. В частности, А.А. Цембер опубликовал несколько документов XVII–XVIII вв., ряд статей был посвящен анализу таких материалов, как «Житие Стефана Пермского», записок А. Бранда и др. Довольно серьезным был подход к этнографическим исследованиям. Был организован ряд экспедиций, давших материалы, положившие начало изучению хозяйственных занятий, быта, культуры и верований народа коми. Наибольшее внимание уделялось сбору и изучению коми фольклора.

Помимо научной деятельности, ОИКК вело значительную культурно-просветительскую работу. Прежде всего, Общество оказало немалую помощь школам в освоении краеведческого дела. Краеведы участвовали в адаптации ГУСовских программ к местным условиям, содействовали организации в образовательных учреждениях кружков, музеев и т.п. Это стимулировало интерес учащихся к знанию истории, географии и экономики родного края. Помимо работы с образовательными структурами, члены Общества читали лекции и доклады, выступали с научно-популярными статьями в местной прессе. Только за 1923 год ими было прочитано 11 докладов (в основном по истории, географии, экономике края). В целях привлечения населения области к краеведческой работе члены Общества разработали программы по археологическим, фенологическим и иным аспектам изучения Коми земли. Общество имело солидную библиотеку (2,2 тыс. томов, к концу 20-х годов она выросла почти до 10 тыс. томов), издавало свой журнал – «Коми му» («Коми край»). Этот журнал отмечался центральной прессой как «особо интересный и содержательный» (Краеведение. 1925. № 4. С. 474). Всего в рамках своих научных изысканий члены Общества подготовили 64 книги, посвященные истории, природе и экономике Коми края. Издавались и «Записки Общества изучения Коми края» (вышло 5 номеров).

Благодаря усилиям Общества активизировал свою работу краеведческий музей в Усть-Сыольске. Он обрел статус областного, получил новое, гораздо более обширное помещение, шло активное пополнение музейных фондов. Стараниями краеведов (прежде всего, А.А. Цембера) в 1922 г. был открыт Областной архив. По представлению ОИКК в мае

1924 г. Коми облысполком издал постановление об охране памятников искусства, природы и старины на территории Коми автономии.

Конечно, коми краеведы осознавали, что они делают пока первые шаги на пути научного изучения родного края. Поэтому они придавали огромное значение установлению прочных научных связей со своими коллегами из Академии наук СССР, сообществами ученых. ОИКК поддерживало и международные связи (Эстония, Финляндия, Венгрия, США, Англия, Германия, Канада, Китай и др.). Всего Общество имело постоянные научные связи с более чем 50 научными учреждениями в СССР и 15 заграничными (См.: Коми му. 1925. № 1. С. 51-53; № 4-5. С. 83; Коми просвещенец. 1927. № 1. С. 57).

ОИКК разрабатывались и далеко идущие планы научных исследований. В 1926 г. тогдашний Председатель Общества Д.А. Батиев предложил проект создания Коми промышленно-исследовательского института, который бы находился в ведении Главнауки. Звучали и другие предложения. Но эти проекты так и не были осуществлены по весьма прозаической причине – отсутствию средств.

К концу 20-х годов политический климат страны значительно изменился, активно шел процесс усиления контроля над всеми сферами жизни, в том числе науки и культуры, что весьма негативно сказалось на краеведческом движении, ведь власти настороженно стали относиться к творческой инициативе, самостоятельности масс. Развернулась и борьба против «идеализации старины», особо агрессивный характер она приняла в национальных регионах. Краеведение пытались свести к изучению производительных сил регионов, а вопросы, связанные с местной историей, культурой и бытом, как полагали власти, только отвлекали людей от строительства, а потому были ненужными и даже вредными. Ученых, которые пытались продолжать заниматься этими проблемами, нередко объявляли даже «вредителями».

Начались гонения на краеведов и в Коми автономии. Их отстранили от участия в журнале «Коми му» (весной 1930 г. журнал был закрыт). Прекратилось и издание «Записок» ОИКК. В результате остались неопубликованными многие подготовленные солидные научные труды (в частности, «История коми народа» А.А. Чеусова). Предчувствуя надвигающуюся грозу, руководство Общества в мае 1931 г. приняло решение о его самоликвидации. Однако это не спасло от репрессий многих членов ОИКК... Уже после роспуска Общества в журнале «Советское краеведение» появилась разгромная статья о деятельности ОИКК. Движение коми краеведов характеризовалось как «оппортунистическое ликвидаторство» (См.: Озеров П. За решительный перелом в краеведном движении в Коми области // Советское краеведение. 1932. № 2).

Однако к тому времени благодаря деятельности объединения краеведов становление науки в Коми крае продвинулись далеко вперед. Большая краеведческая работа ОИКК имела значительное влияние, как на

становление научных исследований, так и на процесс культурного просвещения народа коми. Оно было первым объединением, соединившим в своих рядах зарождающуюся коми интеллигенцию. Более того, можно говорить, что именно из Общества изучения Коми края фактически выросла коми национальная интеллигенция.

Ю.Э. Лупинович (Белорусский ГУ, Минск)

Татарский музей Вильно как фактор консолидации и сохранения историко-культурного наследия нации

Переоценка нравственных ценностей и поиск новых идеалов заставили общество по-новому взглянуть на культурное наследие и общественное сознание. Смена власти, политического курса всегда требует по-новому взглянуть на всю предшествующую традицию. В периоды, когда свершается история настоящего момента и переписывается история предыдущей эпохи, музей предстает как хранитель аутентичной информации в виде реальных вещей. Статус музея в культуре обычно возрастает в переломные периоды, когда общество встает перед необходимостью выработать новую идеологию взамен старой. Ведь музей в его возникновении, функционировании и развитии прямо связан с культурно-историческим наследием, память о котором во многом зависит от его оценки, понимания и восприятия последующими поколениями.

В вопросах изучения и осмысления своего прошлого, исторического опыта, культуры и традиций народа важную и активную роль приобретает задача исследования формирования и развития музеев этнической культуры, монокультуры. В 20–30 годы XX в. Вильно считался наиболее значимым общественно-культурным центром Западной Беларуси. Изучение музейной сферы Вильно позволяет утверждать о наличии здесь в межвоенный период разветвленной сети музеев.

Уровень историографической освещенности истории музейного дела в Беларуси неодинаков. Существуют музеи, история которых изучена слабо или не изучена совсем. К таковым относится и Татарский музей, сведения о существовании и музейном собрании которого сводятся, в основном, к нескольким упоминаниям в туристических путеводителях и сохранившемся в библиотеке Варшавского университета Каталогу данного музея. Следует согласиться, что Татарский музей выступает как средство адаптации человека в культурной среде, а его пространство с овековеченной в музейных предметах информацией, концентрирует опыт культуры.

Татарский Национальный музей в Вильно был открыт в 1929 г. И находился в ведении Центральной Рады Культурно-Просвещенческого Союза Татар. Целью музея было изучение, демонстрация и популяризация истории татар в Польше, народов Востока и мусульманских праздни-

ков. По материалам журнала «*Nauka Polska*» за 1930 г. в музее насчитывалось 104 ед. хранения. Самыми ценными признавались документы XVI в., касающиеся истории татар и Корана. При музее также действовала библиотека, в составе которой насчитывалось несколько десятков книг и публикаций. Главным хранителем музея, а также инициатором его создания был Л. Крычиньский.

Согласно КATALOGу Татарского Национального музея, особо ценные музейные предметы хранились в специальных витринах.

Витрина I: 1) Коран. Рукопись. Дар Зофьи Лединской. 2) Коран. Текст арабский. Рукопись XVIII в. местного происхождения. 3) Коран. Текст арабский. Рукопись турецкого происхождения 1217 г. 4) Коран. Текст арабский. Рукопись XVIII в. турецкого происхождения. 5) О религиозной обрядности. Турецкая рукопись 1423 г. 6) Шесть арабских монет XIII в. 7) Описание траурной церемонии в связи со смертью Т. Костюшко, проходившей в кафедральном костеле Минска 7 марта 1818 г.

Витрина II: 1) «Право Ахмета Улана Асанчуковича на дворец Занишкий...». Рукопись на старобелорусском языке. 1521. 2) «Право осуществлять продажу в Занишках Янбеку Кадышевичу...». Рукопись XVI в. на старобелорусском языке. 3) «Акт наследования земли в Селище Селимом Кадышевичем от брата Куромши...». Рукопись на старобелорусском языке. 1528. 4) «Право продажи от Давида Сулкевича Янови Сулкевичовой части Лостаи...». 1755. 5) Военная карта № 19652 Ал. Сулкевича. 1914. 6) Военный пропуск Ал. Сулкевича от 10 марта 1916 г. 7) Воззвание Комиссариата виленского повета от имени Польской Народной организации. 1914. 8) Воззвание Комиссариата лодьского повета к населению в деле Польской народной Организации от 28 окт. 1914 г. 9) Письмо Г. Даниловского к Ал. Сулкевичу. 10) Письмо премьер-министра Крымской Республики генерала-лейтенанта М. Сулкевича к министру юстиции Ал. Ахматовичу от 12 авг. 1918 г. 11) Поэзия А. Мицкевича. Юбилейное издание 1798-1898. Варшава. 1898. 12) Три письма Ст. Беляка к жене (11.05.1899; 23.06.1899; 05.09.1899) (*Katalog Tatarskiego Muzeum Narodowego wWilnie. Wilno, Wyd. Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskiej. 1929. S. 3-51*).

В составе музейного собрания стоит также выделить и другие музейные предметы, обладающие научной, художественной, исторической и мемориальной ценностью (знак отличия татарского легкоконного польского полка гвардии Наполеона. 1812. (фото); офицеры дивизии Третьего Татарского полка конных стрельцов. Лунинец. 1921; Пинск. 1921. (2 фото); подхорунжий Татарского полка уланов А. Рудинский. 1919. (фото); директор Крымско-Татарской Национальной Директории по военным вопросам Дж. Сейдамет и муфтий польских и крымских татар Ч. Челеби. 1918. (фото); представители Крымско-Татарской Национальной Директории с коллегами. Симферополь. 1918. (фото); татарские ворота в Вильно.

1912. (фото); союз студентов польских татар в Петербурге в 1907–1909 гг. (фото); мечеть в Довбучках Молодеченского повета. 1928. (6 фото).

Анализ музейного собрания позволяет говорить, что оно представляло собой массив письменных документов, который в заданном пространстве не предполагал ни зрительной, ни научной совместности. Но наряду с привычными научно-исследовательскими музеями природоведческого, этнографического, исторического, художественного профилей, существовавших в исследуемый период в Вильно, Татарский музей выступает как символ консолидации нации (Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12. Л. 3).

Какой бы ни была история музея и процесс его комплектования – это история отношения к культурному наследию, его изучению, сохранению, воспроизводству. Именно поэтому она заслуживает внимательного изучения, теоретического осмысления накопленного опыта, позволяющего не только расширить исторический кругозор, но и более глубоко осознать его роль в формировании национального самосознания. Изучение музейного собрания данного музея становится мощным толчком к познанию истории и культуры различных регионов и может стать убедительным ответом на существующее в современном обществе мнение об обесценивании и дискредитации культурных традиций. В целом, наличие Татарского музея в Вильно можно рассматривать не только как вариант того, как проходило формирование фонда национальных культурно-исторических ценностей татар за границей, но и как социальный заказ, определивший многообразие музейного мира Западной Беларуси.

Е.М. Макаренко (Институт всеобщей истории РАН)

Православная культурная традиция в диалоге с католическим сознанием: Общество «Икона». Франция XX век

История Русского Зарубежья – яркий пример «встречи» культур и цивилизаций в современном мире. Тема национального зарубежья охватывает колоссальный объем проблем от конкретно-исторических до самых общих, включая трактовку определения «нация», «духовное единство» и т.п. Публикация библиографических обзоров, диссертаций, защищенных по тематике Русского Зарубежья за последние 10 лет, включающих все новые имена – свидетельство неослабевающего интереса ученых к многомерности русской культуры в изгнании и метрополии. На мой взгляд, студентам, будущим историкам и культурологам необходимо знакомство с историей Русского Зарубежья как носителя альтернативного пути развития, ставшего актуальным для многих наших соотечественников, покинувших пределы Родины под воздействием внутренних и внешних катаклизмов революционной драмы 1917 г. Значительный культурный пласт творческого наследия эмигрантов долгое время находился в

забвении, но постепенно возвращается на родину и требует не только всесторонних научных исследований, которые ведутся полным ходом, но и широкой популяризации этого опыта в лекционных курсах и учебных пособиях для вузов и других образовательных учреждений.

Следует отметить, что, несмотря на широту исследования различных направлений истории русской эмиграции до сих пор ощущается недостаток в анализе психологических особенностей и самого механизма ее культурной адаптации в рамках нового жизненного пространства. С начала 1990-х годов адекватной моделью изучения психологической адаптации эмигрантов считается так называемый стресс аккультурации. Аккультурация имеет место тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствиями которого являются изменения элементов их оригинальной культуры. Выделяют четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция.

В настоящее время в специальной литературе можно встретить понятие культурного шока, куда входит целый комплекс психологических, духовных, интеллектуальных проблем, которые ставили человека в новой среде на грань душевного срыва, зачастую приводя к распаду личности. Среди психологических факторов, оказывающих наибольшее воздействие на сознание и духовный мир русских эмигрантов, были чувство утраты и тоски по родине, понижение социального статуса и языковой барьер, разрыв родственных связей, социальная невостребованность личности в чужом обществе, невозможность интеллектуальной и профессиональной самореализации.

Долгое время считалось, что ассимиляция с доминирующей культурой – лучший вариант культурной адаптации. Современный взгляд на данную проблему выделяет интеграцию как более успешную стратегию. При этом сохранение этнической идентичности, ранее рассматриваемое как помеха на пути адаптации, может играть важную роль в поддержании позитивного статуса. Опыт Общества «Икона», созданного духовными единомышленниками в 1927 г. в Париже, служит наглядным образцом эволюции культурной адаптации русских эмигрантов, переживших «смену волн» и поколений. Детищем «Иконы» стали знаменитые ныне памятники архитектуры, искусства, особенно иконописи.

В 1920-е гг. в Париже было основано восемь русских высших учебных заведений, в том числе отделений и курсов: русские отделения при Парижском университете, Франко-русский институт, Русский народный университет, Русский коммерческий институт, Высший технический институт, Русский политехнический институт, Русская консерватория. Наиболее престижными считались курсы при Сорбонне, где работало более 40 известных русских ученых.

Следует отметить, что характерной чертой этой эмигрантской культурной и общественной активности было то, что в основу создания и дея-

тельности абсолютного большинства общественных, культурных и профессиональных организаций в Париже была заложена национальная идея, отодвигавшая на второй план узкопрофессиональные, «цеховые», интересы. Именно здесь, в особенностях культурной жизни, в идее сохранения и развития национальной культуры, лучше всего отразились мессианские настроения эмигрантов. В этом же ключе следует рассматривать и историю создания Общества «Икона», возникшего под воздействием богословского Института в Париже в 1927 г.

Появление в 2002 г. двухтомного издания документов Общества «Икона», выпущенного московским издательством «Прогресс-Традиция», является подтверждением общепринятой идеи о том, что ценности государственного строя России всегда были неразрывно связаны с православием и его стремлением к возвеличанию державной власти. Понять причины возникновения и значение деятельности этого Общества, которое в 2002 г. отметило свой 75-й юбилей, значит ответить на вопрос о том, каким образом и с помощью какого механизма русским во Франции удалось воссоздать параллельную Россию с ее традиционными ценностями в рамках мощной западноевропейской культуры.

Инициативную роль на начальном этапе истории Общества взяла на себя семья Рябушинских, а точнее Владимир Павлович Рябушинский, под руководством которого «Икона» переросла рамки организации по распространению знаний только в русской и французской среде и приобрела общекультурное значение. У основания Общества стояли такие известные деятели русского искусства как С. Маковский, И. Билибин, П. Муратов, а также крупный московский меценат, гурман и художник князь С. Щербатов. Однако роль лидера в этом движении по праву принадлежит В.П. Рябушинскому.

С самого начала своей практической деятельности члены Общества «Икона» руководствовались идеей возрождения и продолжения традиций древнего русского иконописания. Согласно уставу Общества, среди почитателей древнерусского искусства наметились три направления деятельности: 1) изучение икон как памятников национального русского творчества и понимание их красоты; 2) богословское и каноническое изучение икон, с точки зрения их церковного и литургического содержания; 3) продолжение искусства иконы для церковных целей и для молитвенных надобностей. Оценивая икону как произведение кисти и явление духа одновременно члены Общества всей своей деятельностью направляли молодое поколение русских эмигрантов в русло русской культуры и поддержанию здоровых национальных традиций. Их патриотический порыв становился как бы частью широкой программы православного воспитания и просвещения, развернутой русской зарубежной церковью.

Межвоенное время было этапом расцвета Общества. В этот период у него сложились контакты с известными учеными во Франции и России, устраивались выставки и лекции. «Икона» охотно входила в творческие

сношения с другими многочисленными историко-культурными эмигрантскими организациями. Одним из главных направлений ее деятельности по-прежнему оставалось выставочное: речь идет как о выставках старых икон, так и новых, писанных по древним образцам. Всего между 1928 и 1968 годами было организовано 42 выставки. Наиболее значительными в жизни Общества были две: 22-я, состоявшаяся в Женеве в июне-сентябре 1938 года по случаю 950-летия Крещения Руси, и 41-я – в ноябре 1988 года в Париже, устроенная к широко отмечававшемуся празднику 1000-летия Крещения Руси.

В годы Второй мировой войны деятельность «Иконы» почти замерла и впоследствии с трудом удалось восстановить предвоенную традицию. Однако, все же благодаря деловым и дружественным отношениям В.П. Рябушинского с учеными, искусствоведами и литераторами русского рассеяния не только во Франции, но и в других странах можно смело говорить о прямом взаимодействии и даже о взаимовлиянии культур.

Современное состояние «Иконы» оставляет желать лучшего. К этому следует добавить, что ее архивы в настоящее время только приоткрыты и почти не изучены. Тем не менее, даже этот беглый опыт знакомства с деятельностью православного общества внутри широкой амальгамы многочисленных эмигрантских организации, важен для понимания процесса культурной адаптации и идентификации русских за рубежом.

Выживание за счет верности национальному менталитету в чужой среде может служить своего рода основой взаимодействия различных социумов в широких межкультурных контактах.